

ДМИТРИЙ СЕРЕБРЯКОВ
ЦИКЛ “ШАМБХАЛА”

РАЗДВИГАЯ ГРАНИЦЫ

книга 3

Дмитрий Серебряков

**Шамбхала книга 3:
Раздвигая границы**

«Автор»

2026

Серебряков Д.

Шамбхала книга 3: Раздвигая границы / Д. Серебряков —
«Автор», 2026

Вырвавшись из трущоб и чудом выжив в кровавой бойне, Акиро вытянул счастливый билет. Теперь он приемный сын влиятельного коммодора и личный ученик офицера Инквизиции. Казалось бы — живи, делай карьеру и радуйся. Вот только древний дух, обосновавшийся в его разуме, совершенно не умеет сидеть тихо. Его аномальная сила ломает базовые законы духовной физики, и это привлекает слишком много ненужного внимания. Высшая знать готова устраивать фиктивные политические браки и разбрасываться древними реликвиями, лишь бы легально подобраться к парню с уникальной генетикой. Въедливые следователи Инквизиции начинают копать под его ненормальную регенерацию. А где-то в соседнем мире демонов высшие лорды уже открыли сезон охоты на загадочного «сына изгоя». Чтобы не стать лабораторным материалом для аристократов или трофеем для тварей из других миров, Акиро и его язвительному «квартиранту» придется сильно постараться, чтобы переиграть тех, кто привык считать себя хозяевами Гадара.

Дмитрий Серебряков

Шамбхала книга 3: Раздвигая границы

Глава 1

— ...учитывая ваши текущие возможности, вам пока рано переходить на углубленное оперирование духовными силами. Сначала вам нужно разобраться с вашими духами и научиться их контролировать. — Эдвин остановился и пристально посмотрел на нас с Ингрид. — А с этим у вас большие проблемы. И для начала мы начнем с теории. Дух — это существо, которое всегда стремится к доминированию в вашем теле. Особенно если это тело обладает не до конца сформированным разумом. Другими словами, чем меньше у вас знаний, тем проще духу вами манипулировать...

Легко ему говорить. Больше знаний - меньше влияние духа на меня. Ага. И где мне их было взять, эти знания? Мне и так повезло дальше некуда. На моем месте любой другой беспризорник уже закончил бы жизнь в канаве. Но мне улыбнулась удача. Сначала встретил слепого вора Мурата, который научил меня выживать в трущобах, а потом еще и старик Нумар научил грамоте и книги давал читать.

— Энергетическое перетекание духовной сущности из формы удержания, то есть из вашего меча, в физическую оболочку, процесс крайне нестабильный, — тем временем продолжал вещать Линберг. Заложив руки в замок за спиной, он мерно вышагивал по идеально подстриженному газону. Туда-сюда. Словно маятник в часах. — Вы обязаны понимать физику астрального резонанса. В момент призыва силы барьер между материальным миром и духовной проекцией истончается до критических значений. И если ваш личный волевой контур слаб, дух не просто делится мощностью. Он начинает замещать ваши нейронные связи своими собственными императивами, подавляя личность носителя.

Я слушал этот ровный обволакивающий голос толстяка, но мысли упрямо соскальзывали в прошлое. Мой взгляд прошёл мимо громоздких тренировочных манекенов и стоек с утяжелителями, расставленных по краям двора, перемахнул через полутораметровую живую изгородь и уперся в верхушки деревьев. Там раскинулся тот самый огромный яблоневый сад. Ветки чуть покачивались на ветру, словно старые знакомые, кивающие мне издалека.

Именно там, в тени этих самых яблонь, всё по-настоящему и завертелось. Там старый ветеран инквизиции Аскольд Яго вбивал в нас с Ингрид основы выживания и контроля. Я до сих пор помнил привкус собственной крови на губах и гудящие от ударов тренировочных клинков мышцы. Тогда я думал, что суровый дед Ингрид — самое безжалостное существо в Гадаре, гоняющее нас до кровавых мозолей. Знал бы я тогда, что нас ждало впереди... Что жестокие драки за корку хлеба в родных трущобах покажутся мне детской возней в песочнице по сравнению с той мясорубкой, в которую мы угодили совсем недавно.

— ...таким образом, кинетическая плотность вашей ауры прямо пропорциональна уровню ментальной синхронизации, — Линберг остановился в центре площадки и плавно развернулся к нам. Его кажущаяся неповоротливость была иллюзией, в которую верить себе дороже. — Ошибочно полагать, что дух — это просто покорная батарейка, из которой можно безнаказанно черпать резерв. Нет. Это симбиоз, требующий жесткой безжалостной иерархии. Вы должны выстроить архитектуру разума так, чтобы призыв силы шел через фильтры вашего сознания. Иначе — одержимость. Выгорание энергетических каналов. И, как закономерный итог, мучительная смерть.

Ингрид, сидя рядом на траве, напряженно кивнула. Она выглядела собранной, но я-то слишком хорошо ее знал. Я помнил её совсем другой, надменной девчонкой из начала нашего пути, которая смотрела на меня, безродного оборванца, как на прилипшую к подошве грязь.

Наследница благородных кровей и уличный мусор, по нелепой случайности получивший меч с духом. Как же сильно нас тогда ломало. Наши первые спарринги там, в саду, были не просто тренировками — это была война двух несовместимых миров. Моего уличного, голодного и злого, и её — правильного, но зажатого в тиски ожиданий её деда.

Но потом статус перестал иметь значение. Важно было лишь то, кто сможет удержать клинок в слабеющих руках и прикрыть спину.

Мой дух... это холодная эгоистичная сущность внутри меня. Он спасал мне жизнь, да. Но я не идиот. Я прекрасно понимал, что каждый раз, когда он перехватывал контроль и вытаскивал меня с того света, он делал это по своим, непонятным мне, причинам. Я понятия не имел, как там всё устроено в изнанке, в его духовном мире. И я слишком часто не видел, что именно он творил моими руками, пока мое сознание болталось во тьме. Он не оставлял улики и не снисходил до объяснений. Он просто брал свое, а я потом разгребал последствия, пытаюсь осознать масштаб его ужасающей мощи.

— Вы не сосредоточены! — голос Эдвина вдруг хлестнул, как плётка, срывая с него маску добродушного наставника. — Пропускная способность меча ограничена вашей жалкой человеческой физиологией! Астральная масса духа при неконтролируемом сбросе энергии способна разорвать ваши внутренние органы в клочья за секунду. Интеграция должна быть плавной как дыхание.

Запах скошенной травы ударил в нос, окончательно возвращая меня в реальность. Да, мы выжили во время того сумасшествия, которое наш наставник почему-то называл «отбором в ученики». И если раньше рядовые инквизиторы во время отбора казались нам суровыми надсмотрщиками, то теперь всё стало куда серьезнее. Мы здесь, на заднем дворе Эдвина Линберга. И у нас впереди целый год. Год обучения, за который этот «добродушный толстяк» разберет нас на запчасти, залезет в самые темные уголки наших душ и перекроит нас так, что мало не покажется.

— Физическая оболочка человека — это узкое горлышко песочных часов, — Эдвин остановился и поднял вверх украшенный массивным перстнем пухлый палец. — А ваш дух — это песок, который стремится обрушиться вниз всей своей колоссальной массой. Вы должны стать механизмом, который регулирует этот поток по крупичкам. Если вы позволите духу вывалиться всю свою мощь в ваши неразвитые каналы... что ж... в лучшем случае вас ждет паралич нервной системы. В худшем вы просто лопнете, как перезрелый фрукт, забрызгав этот чудесный газон.

Я невольно сглотнул, покосившись на свой меч, мирно лежащий в ножнах на траве. Всего лишь кусок стали с обтянутой кожей рукоятью. Ирония судьбы: самая большая угроза для моей жизни находилась не во внешнем мире, а прямо здесь, на расстоянии вытянутой руки. Точнее, внутри.

Я снова вспомнил те дни, до того, как этот клинок попал ко мне в руки. Провонявшие нечистотами грязные переулки, где человеческая жизнь стоила дешевле медной монеты. Тогда я даже не подозревал, во что ввязывался. Я был просто уличным оборванцем, который чудом не сдох от голода и ножа в подворотне. И когда дух впервые пробудился... Я не контролировал ничего. Мое сознание просто гасло, вышвырнутое во тьму, а когда я приходил в себя, вокруг были только трупы и разрушения. И это был чистый первобытный ужас. Мой дух тогда не соизволил показать мне, как именно он расправлялся с нашими врагами. Зачем ему отчитываться перед своим же транспортом? Он делал грязную работу, спасал мою шкуру, а заодно и свою, и никогда не оставлял ничего большего, кроме намеков, по которым очень сложно понять пределы его реальной силы и возможностей.

— Обратите внимание на архитектуру ваших энергоузлов, — голос Линберга заставил меня вынырнуть из тягучих воспоминаний. Наставник плавно, почти текуче для своей комплекции, подошел к одному из тяжелых тренировочных манекенов, обитых толстой кожей и

стянутых стальными кольцами. — Ваша задача — не подавить духа силой. Это невозможно. Ваша задача — заставить его жить по вашим правилам.

Эдвин небрежно, словно стряхивая пылинку, коснулся стального кольца на манекене двумя пальцами. Раздался сухой трескучий звук, похожий на раскат грома вдалеке. Толстая кожа брызнула в стороны, а стальной обод со звоном лопнул, разлетевшись на две кривые половинки. Линберг даже не доставал оружия.

— Концентрация. Направление. Контроль, — невозмутимо произнес он, поворачиваясь к нам. — Вы используете энергию как дубину. А должны использовать как лезвие бритвы.

Ингрид рядом со мной шумно выдохнула. Ее спина была прямой, как струна, а в глазах плескалась холодная решимость. Она изменилась. Сильно изменилась со времен нашей первой встречи. Когда-то холодная, высокомерная, уверенная в своем превосходстве по праву рождения. Она знала теорию, она с детства готовилась стать лучшей. Но реальный мир за пределами ухоженных лужаек быстро выбил из нее эту спесь.

Смерть не разбирает, благородная у тебя кровь или ты вырос на помойке у слепого вора. Когда мы столкнулись с настоящей угрозой, когда София начала свой безжалостный отсев, Ингрид поняла то же, что и я. Все тренировки, вся теория летели к чертям собачьим, когда в лицо дышала реальная смерть. И теперь Ингрид сидела здесь, впитывая каждое слово Линберга не потому, что хотела кому-то что-то доказать, а потому, что это был единственный способ выжить.

— Хватит лирики, — Эдвин хлопнул в ладоши, и этот звук показался неестественно громким в тишине закрытого двора. — Теория мертва без практики. Акиро. Вставай. Посмотрим, насколько широко твое «узкое горлышко» сегодня. И постарайся не спалить мне изгородь, соседи будут недовольны.

Я медленно поднялся с травы, подхватив меч. Легко сказать «примени силу», да сделать трудно.

Уже месяц прошел с тех пор, как закончился тот ад, названный отбором. Месяц Линберг разбирается с нашими силами. И за весь этот месяц я так и не смог научиться даже на ничтожно малом уровне контролировать силу своего духа. Вот и сейчас. Я стоял, смотрел на манекен, и как ни пытался, ничего не выходило. Вроде и делал все так, как учил наставник, а результат нулевой.

Еще и дух уже месяц как молчал. Такое ощущение, что он меня игнорировал. Хотя почему ощущение? Это факт. Мой дух меня не слушался.

— Опять не выходит? — с сочувствием покачал головой наставник.

— Я не понимаю: что я делаю не так? — я хотел спросить твердо, но голос прозвучал жалко.

— Ты все делаешь правильно, Акиро, — добродушно улыбнулся он. — Просто тебе очень сложно понять элементарные вещи. Хм... Как бы пояснить подоступнее? — он задумчиво погладил свой подбородок. — О! Придумал. Ты умеешь плавать?

— Да, — недоуменно кивнул я.

Я бы мог добавить, что когда мне было шесть лет, меня научил плавать монах Илай, у которого я жил в приюте, пока не сбежал. Но не думаю, что наставнику сей факт будет интересен. Как и то, что этот урод Илай потом оказался одержимым и предателем, служившим нечисти. Ну а еще его убил мой дух. Который сейчас плевать хотел на мои старания.

— Отлично, — довольно кивнул наставник. — А теперь скажи-ка мне, Акиро. Что будет, если кто-то будет очень быстро бежать? Так же быстро, как во время применения техники Диеграбус. Что будет, если он попробует пробежать по воде?

— Ну, он упадет и намокнет, — недоуменно пожал я плечами.

За спиной послышался женский смешок. Я зыркнул в сторону Ингрид, которая, прикрыв рот ладошкой, сдерживала смех. Ну и чего я такого смешного сказал?

— Ты не прав, Акиро, — покровительственно покачал головой наставник. — Он не упадет и не намокнет. Он побежит по воде так же, как по земле.

— Как это? — искренне удивился я, забыв о смешке.

Линберг поправил манжеты рубашки и вошел в свой любимый режим лектора:

— Все сводится к физике гидродинамического удара и инерции жидкости. Когда объект взаимодействует с водной гладью на экстремально высоких скоростях, молекулы просто не успевают расступиться из-за собственной инертности. Возникает гидродинамическая подъемная сила, которая равна половине плотности среды, умноженной на квадрат твоей скорости, площадь контакта стопы с поверхностью и коэффициент подъемной силы. Если скорость твоего шага превосходит критический порог, реактивная сила сопротивления воды превысит твой вес, и поверхность станет для тебя надежной опорой.

Я тупо моргнул. Гидро-что? Плотность среды? Мой мозг, привыкший к нормальному общению, наглухо отказывался переваривать эту словесную кашу.

Эдвин посмотрел на мое абсолютно пустое лицо, тяжело вздохнул и потер переносицу пухлыми пальцами:

— Ладно, забудем. Скажи мне, Акиро, ты когда-нибудь прыгал с большой высоты плашмя в воду?

— Один раз, — скривился я, вспоминая тот болезненный опыт. — Отбил себе все внутренности. Было чувство, будто животом на брусчатку упал.

— Вот! — радостно щелкнул пальцами Линберг. — Вода не успела под тобой разойтись, и ты ударился об нее, как об стену. С бегом то же самое. Если ты бьешь ногой по воде достаточно сильно и быстро, она становится твердой на долю секунды. Ты отталкиваешься и бежишь дальше.

Толстяк сделал шаг ко мне и ткнул пальцем в грудь.

— Теперь понятно?

— Эм... наверное да, — не очень уверенно произнес я.

Честно говоря, очень сложно поверить в то, что кто-то может бегать по воде.

— Что, сложно в это поверить? — словно открытую книгу, прочитал он меня. — И это правильно. В это действительно сложно поверить. Так же, как сложно поверить и в то, что вчерашний подросток без духовной силы и знаний умудрился заполучить не только сильного духа, но еще и победить далеко не одного демона. Так ведь?

В ответ я лишь медленно кивнул. Не совсем понимал, к чему он клонил, но ладно.

— Подожди. Сейчас поймешь, — довольно улыбнулся он. — Так вот. Ты как тот бегун по воде. Пока у тебя есть силы и энергия, ты бежишь и горя не знаешь. Но что произойдет, если у тебя закончатся силы? Верно. Ты упадешь. А теперь представь, что ты не умеешь плавать. Что тогда с тобой будет?

— Я утону.

— Верно! — торжественно поднял он палец вверх. — Так и здесь. Ты еще не научился «плавать» в духовном смысле, но уже умеешь мчаться на предельной скорости в сторону обрыва. И не сорвался ты с него только из-за прихоти твоего духа. Теперь понятно?

— Мне надо научиться «плавать»? — не очень уверенно произнес я.

— Если ты имел в виду духовную силу, то да, — иронично усмехнулся он.

— Но я и так целый месяц этим занимаюсь. Разве нет?

— Нет, — покачал он головой. — Ты не пытаешься плавать. Ты все время пытаешься опять начать бегать. И в этом проблема.

— И что мне тогда нужно сделать? — как и прежде, я в упор не понимал, чего от меня хотел добродушный на вид учитель.

— Хм. Давай подумаем, — Эдвин задумчиво нахмурил густые брови, потеряв массивный подбородок. — Что мы еще не пробовали? Хм... О! Точно. Думаю, стоит попробовать что-

нибудь из визуальных практик. Хотя нет. Не то. Тогда... Так, а что, если пробудить у тебя ощущение слияния с духовной силой через соматическую память? Хм. Интересно. Значит так, Акиро. Садись.

При этом он просто положил свою пухлую ладонь мне на плечо. Движение казалось ленивым, но на меня словно рухнула гранитная плита. Я даже пискнуть не успел, как мои колени подогнулись, и я с глухим звуком шлепнулся задницей на идеально подстриженный газон.

— Закрой глаза и попробуй вспомнить момент, когда ты применял силу подсознательно, — велел Линберг, нависая надо мной.

— Это когда я тренировался у старика Яго? — предположил я неуверенно, вжав плечи и зажмурившись.

— Нет. Не подходит. Там было только перевозомогание и рефлекс. Помнишь, ты рассказывал, как спасал своего отца и Ингрид? В Скрале. Когда тащил их с поля боя... Хотя, нет. Снова мимо. Слишком малый импульс, сплошной адреналин. А, вот! Вспомни тот амбар. Ты наблюдал за тем, как твой дух сражался с одержимым? Там, где он убил вместе с нечистой девочку?

Помнил ли я это? Да такое хрен забудешь, даже если очень сильно захочешь. Меня до сих пор кидало в дрожь от тех воспоминаний.

— Я помню, — хмуро буркнул я, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Отлично! — Линберг радостно потер руки, и этот звук показался мне зловещим шорохом. — Тогда не открывай глаза. Вернись туда. Вспомни до мельчайших деталей, что именно и как делал дух. Но смотри не на трупы и кровь, Акиро! Вспоминай не его действия, а потоки его силы в твоём теле! Понял? Ищи русло реки!

— Я попробую, — не очень уверенно произнес я.

Мне совершенно не хотелось возвращаться в тот амбар. Но спорить с Линбергом себе дороже. Я заставил себя сделать глубокий вдох, абстрагировался от запаха скошенной травы и провалился в темноту под веками.

Сначала пришел запах. Резкая, тошнотворная вонь гниющей плоти, смешанная с ржавым железом и озоном. Потом звуки: хруст ломающихся досок, животный рык одержимого и пронзительный, полный ужаса визг девочки, которой тварь прикрывалась, как живым щитом. И холод. Могильный холод, который исходил не снаружи, а изнутри меня. Мой дух управлял мною. Мое сознание висело, словно на заднем плане, превратив меня в беспомощного зрителя в собственном теле.

Я помнил, как моя рука поднялась. Меч даже не дрогнул. Духу было плевать на заложницу. Он видел только цель. Визг оборвался влажным хрустом, когда клинок пробил два тела насквозь.

Но сейчас Линберг просил смотреть не на это. Я заставил себя отвести мысленный взгляд от мертвых тел и перевел фокус на себя. На свои ощущения в ту самую секунду удара.

Как это работало?

Я попытался присмотреться к пустоте внутри себя, и на удивление, картинка начала меняться. Тьма расступилась, сменяясь странной пульсацией. Я ощутил, как из рукояти меча в мою ладонь вливалось нечто чужеродное. Оно не текло по воздуху. Оно проникало под кожу. И чем глубже я погружался в это воспоминание, тем отчетливее осознавал потрясающую в своей простоте вещь.

Энергия текла по моим венам!

Это не было абстрактным свечением. Сила духа использовала мою кровеносную систему как транспортную сеть. Моя собственная кровь фактически являлась физическим носителем этой потусторонней мощи. Я словно под микроскопом увидел, как густая темная энергия цеплялась за клетки крови.

Внезапно в голове щелкнуло. Так вот зачем Линберг почти месяц назад заставил меня зубрить ту скучнейшую медицинскую энциклопедию по анатомии! Я-то думал, это просто издевательство над нами.

«Кровь состоит из плазмы, эритроцитов, тромбоцитов и лейкоцитов...» — всплыли в памяти строчки из книги.

То есть, по сути, вся эта биологическая взвесь служила идеальным проводником. А эти мелкие, пульсирующие холодным синим светом частички, которые я сейчас видел внутренним взором, плотно облепляющие клетки — это и есть чистая духовная энергия? Та самая астральная масса, с помощью которой я мог разрубать демонов и влиять на материальный мир?

Пазл сошелся. Дух не просто управлял моими мышцами, он разгонял мою кровь, накачивая ее своей силой, превращая мое тело в биологический реактор.

— Кажется, я вижу! — радостно, почти истерично воскликнул я, пораженный собственным открытием.

— Очень-очень хорошо, — довольно пророкотал над ухом голос наставника. — Но не смей открывать глаза! Держи фокус на этом воспоминании. Удерживай образ кровотока. А теперь... начинай вытягивать эту силу из клинка. Сам. Без помощи духа.

— А как мне ее вытянуть? — я снова почувствовал себя слепым котенком.

— Расслабься, Акиро. Перестань сжимать «горлышко». Позволь силе меча самой найти проход. Мысленно представь, как эти синие частички из стали перетекают в твою ладонь, сливаясь с пульсом. Впусти их в свои вены.

Я глубоко вздохнул. Расслабился. Просто расслабился. Я перестал ментально сопротивляться той тяжести, что всегда исходила от меча, и просто представил, как открываю невидимые шлюзы на своих запястьях.

И тут случилось чудо.

Меч, который весь последний месяц казался просто куском мертвой стали, внезапно отошел. Я отчетливо ощутил толчок — не физический, а на уровне нервных окончаний. Ледяной ручеек скользнул от рукояти в мою правую руку. Моя кровь мгновенно отреагировала, превратившись в идеальный проводник. Синие частички энергии хлынули по венам, поднимаясь от кисти к предплечью, к плечу...

А затем они ударили в грудь.

В районе солнечного сплетения отозвалось что-то еще. Словно тугой, спавший до этого узел внезапно распустился, жадно впитывая энергию меча. При их соединении моя рука начала светиться изнутри тусклым пугающим черным светом, который быстро расползлся по всему телу.

Но страха не было. Было нечто иное.

Ощущение оказалось настолько божественным, что у меня перехватило дыхание. Это была чистая незамутненная эйфория. Я будто парил в невесомости, сбросив с себя тонну грязных лохмотьев. Каждая клетка моего тела пела от переполнявшей её мощи. Я чувствовал себя богом, способным одним щелчком пальцев стереть с лица земли целый район Гадара.

— Ну вот, — сквозь этот гудящий восторг пробился голос Линберга. — Совсем другое дело. Вижу, процесс пошел. Синхронизация запущена. Ну а теперь открой глаза, Акиро. Направь эту энергию в руку и сбрось на манекен. Резко!

Я распахнул глаза. Мир вокруг казался слишком ярким, слишком медленным. Я поднял светящуюся черной дымкой руку, сформировал бурлящую в венах энергию в тугой ком на кончиках пальцев, и с силой выдохнув, выпустил ее вперед.

Фьюххххсссс... БАХ!!!

В первую секунду я даже не понял, что произошло. Из моей ладони вырвался тонкий абсолютно черный луч. Он рассек воздух с мерзким свистом, от которого заложило уши, и ударил прямо в центр усиленного стальными кольцами манекена.

Раздался оглушительный взрыв.

Ошметки толстой кожи, куски стали и щепки брызнули во все стороны, осыпая ухоженный газон Линберга дождем из мусора. Ударная волна растрепала мои волосы.

Я победно оскалился, но улыбка тут же сползла с моего лица. Божественное чувство всемогущества испарилось так же быстро, как и появилось. На его место обрушилась колоссальная невыносимая тяжесть. Будто из меня разом выкачали всю кровь. Ноги моментально превратились в вату, перед глазами поплыли черные круги, а желудок скрутило от резкого приступа тошноты.

Мир накренился. Я почувствовал, что заваливаюсь набок, прямо на влажную траву. Веки отяжелели настолько, что держать их открытыми стало физически больно.

Уже проваливаясь в спасительную глухую темноту беспамятства, я услышал сверху спокойный, даже слегка скучающий голос наставника:

— Прогресс есть, и это, несомненно, хорошо. Вот только с контролем беда бедою. Выжиг весь резерв за один микро-импульс... Ну ничего, спи, парень, спи. Главное — начало положено.

Глава 2

- *«Проснись и пой! Подъем, студент!»*

Голос прозвучал в моей голове так громко и бодро, что казалось, от этого крика должен был проснуться весь дом. Но нет. Никто не забил тревогу, за стеной не послышались торопливые шаги бабушки Марты. Проснулся только я. Точнее, чуть снова не подпрыгнул на матрасе от неожиданности. Но быстро осознав, кто именно в очередной раз решил поиграть в будильник, лишь обреченно вздохнул.

- *«Что-то ты какой-то кислый и невеселый»,* — продолжил голос, вибрируя от нескрываемого сарказма. — *«Протри глаза и погнали! Нас ждет школа с кучей мелких упырей. Ну разве не здорово?»*

Передо мной, прямо в прохладном утреннем воздухе спальни, промчалась сотканная из темной дымки полупрозрачная фигура. Да-да. Мой дух. Тот самый эгоистичный и безжалостный монстр, что еще недавно рвал демонов на куски.

Я до сих пор не мог до конца в это поверить. Но факт остается фактом. Теперь мой когда-то молчаливый и пугающе отстраненный дух не только мысленно общался со мной, когда ему того хотелось, но еще и начал являться мне во плоти. Ну точнее, не во плоти, а в виде моего мысленного отражения реальности. Его астральная внешность воплощалась в конкретном месте пространства, которое видел только я и больше никто. Словно управляемая галлюцинация, обладающая собственной волей и прескверным характером.

А произошло это из-за недавних тренировок. Точнее, из-за того, что я наконец-то пробудил свою осознанную духовную связь с мечом. И даже начал её использовать. Пока, конечно, результат был так себе: я просто выжигал весь свой резерв за один неконтролируемый импульс, разнося манекены и позорно вырубаясь каждый раз. Но барьер был сломан. И в итоге из-за этой вот свежей связи дух получил возможность не только напрямую комментировать мои действия, но и вот так вот «воплощаться» перед глазами.

Честно говоря, я так до сих пор не смог переварить мудреных пояснений наставника, которые тот выдал вчера вечером. Точнее, не так. Я их понял. Но явно не до конца.

Да, я уяснил, что связь с мечом — это дорога с двусторонним движением. И если я смог просунуть нос в его энергию, то и оттуда могут беспрепятственно шастать ко мне. Но каким образом это объясняло новые пугающие возможности моего незримого сожителя? Почему он мог вальяжно бродить по моей комнате, пока я спал, и всё видеть вокруг? У меня же глаза закрыты, а он всё равно ориентируется в пространстве! Ведь он сидит у меня в голове, так?

Да и почему он может, например, визуально выйти из моей спальни и в точности сказать, что сейчас делает Ингрид за стеной? Как так-то? Ничего не понимаю.

Ответ на этот вопрос всплыл в памяти сам собой, подражая обволакивающему снисходительному тону Эдвина Линберга.

- *«Твое невежество, Акиро, порой действительно утомляет», — вздыхал вчера толстяк, помешивая ложечкой чай в стакане. — «Ты мыслишь категориями необразованных аборигенов, которые и дня книги в руках не держали. А у тебя же огромная библиотека. Она тебе для чего? Читаешь, говоришь? Видимо что-то не то читаешь. Ладно, поясню. Пойми одну простую вещь, Акиро: физический мир и астрал не существуют в отрыве друг от друга. Они пронизывают друг друга насквозь.*

Представь себе некую незримую сверхтонкую субстанцию. Назовем её духовным эфиром. Этот эфир заполняет абсолютно всё пространство вокруг нас, каждую щель, каждую клетку твоего тела, молекулу воздуха или камень в стене. Когда твой дух перетекает из формы удержания в твое тело, он не начинает смотреть на мир твоими глазами. Ему не нужны твои хрусталики, чтобы видеть.

Он использует твой энергетический контур как якорь, чтобы раскинуть вокруг себя сферический сенсорный купол радиусом примерно в десять метров. В этой сфере он улавливает малейшие возмущения и колебания того самого эфира. Он "осязает" плотность материи, пульсацию чуждой крови, вибрацию звуковых волн. А дальше происходит самое интересное. Эти сырые и непонятные твоему разуму эфирные данные мгновенно прогоняются через фильтры твоего собственного подсознания. Твой мозг выступает в роли переводчика. Он берет астральные вибрации и конвертирует их в привычную для человеческого восприятия картинку, которую дух затем и "видит". Именно поэтому для него не существует ни закрытых глаз, ни стен в пределах его десятиметровой сферы. Он сканирует реальность через эфир, а твое подсознание любезно рисует ему картинку».

Я сел на кровати, спустил босые ноги на прохладный деревянный пол и с силой потер лицо ладонями. Эфир. Сенсорный купол. Вибрации. Мой мозг, привыкший к выживанию в трущобах, жалобно скрипел, пытаясь это усвоить.

И вот теперь этот всевидящий «радар» носился по моей комнате, предвкушая поход в школу.

Я потянулся, слушая, как захрустели суставы. Мышцы всё еще ныли после вчерашнего выброса энергии. Месяц Линберг не выпускал нас за пределы своего уютного, но жестко контролируемого поместья, маринуя теорией и изматывающими тренировками. И вот, видимо настал день, когда «добродушный толстяк» решил выкинуть нас в социум.

Точнее, «выкинул» он нас еще вчера вечером. Когда я, шатаясь от усталости и гудящей во всех мышцах боли после очередного злополучного взрыва, наконец-то смог самостоятельно вернуться домой. Как же я был счастлив рухнуть на нормальный стул и до отвала наесться невероятно вкусной горячей домашней выпечкой бабушки Дарьи. После «правильного» и «полезного» питания четко выверенных наставником порций, а также вечного напряжения на заднем дворе Линберга, наш дом казался мне настоящим раем, тихим уютным уголком, где никто не пытался выпотрошить мои энергоканалы.

Но сегодня... Сегодня день особенный. Сегодня на мою бедную и без того перегруженную голову обрушится «новый и неизведанный мир образовательной системы». Это я, если что, дословно вспомнил вчерашнюю напутственную фразу наставника, которую он произнес с крайне мерзкой предвкушающей ухмылкой.

И честно признаться, мне было боязно.

Причин для этого липкого тягучего страха, ворочавшегося в районе желудка, было более чем достаточно. Начиная с того простого факта, что я вообще впервые в своей жизни пойду в настоящую школу, и заканчивая тем, что со мной вместе, в одном классе, будет учиться

Ингрид. И вот это последнее обстоятельство, мягко говоря, внушало мне серьезные опасения. Конечно, мы через многое прошли вместе, но ее характер от этого мягче не стал.

Я сидел на краю кровати, глядя на свои руки, и до сих пор не мог определиться со своими чувствами. Рад я тому, что буду учиться, или нет?

С одной стороны, это новые знания. Нормальные системные знания, а не обрывки информации, которые я когда-то жадно впитывал из старых книг благодаря старику Нумару. И возможно, новые знакомства.

А с другой... вряд ли хоть кто-то в этой элитной школе обрадуется моему присутствию. Я ведь кто? Бывший беспризорник. Грязный житель трущоб, который еще недавно дрался с кем попало за корку хлеба. А они? Они — дети богатых родителей, потомственные наследники рыцарей, влиятельные отпрыски церковников, чиновников и знати. У них родословные длиннее, чем список моих грехов. Как-то слабо верилось в их доброе отношение к парню с самого дна. Они чуяли таких как я за километр.

Но затем я мотнул головой, отгоняя эти мысли. С другой стороны, какого черта? Мне ли после всего того кровавого дерьма, что я пережил в Скрале, после столкновения с высшим демоном Буером, бояться заносчивых малолетних снобов? Кто они такие по сравнению с плотоядной нечистью или кровожадными тварями демонов? Да и статус мой кардинально изменился. Я теперь не просто сын обычного рыцаря, а официально признанный приемный сын самого Коммодора тринадцатого сектора Иллариона Тихона! А это вам не хухры-мухры. Правда, мой приемный отец сидел на этой высокой должности всего неделю, но звучало это всё равно чертовски солидно. И как на днях с жаром убеждала меня Ингрид, не только звучало, но и являлось реальной политической силой, с которой местной аристократии придется считаться.

С этими мыслями я тяжело поднялся и потянулся к приготовленной с вечера стопке новой одежды.

Только сейчас я сообразил, что в комнате слишком тихо. Я огляделся по сторонам, ища взглядом сотканную из дымки фигуру, но пустота спальни оставалась нетронутой. Дух пропал. Если раньше эта холодная сущность могла мысленно общаться со мной (или гордо молчать), когда ей того заблагорассудится, то теперь он точно так же поступал и со своим физическим воплощением. Причем, когда именно он решит появиться из астрала, чтобы помозолить мне глаза, а когда исчезнуть, знал только он сам. Никакой логики в его расписании я пока не уловил. Эгоист, он и есть эгоист.

Радостно смирившись с временным одиночеством в собственной голове, я оделся, умылся и спустился вниз, на первый этаж. Ноги сами понесли меня на запах — умопомрачительный аромат корицы, жареного бекона и свежесваренного кофе, который плотным облаком висел в коридоре.

Я зашел на светлую просторную кухню.

— Доброе утро, — улыбнулся я, здороваясь с двумя пожилыми женщинами, которые уже вовсю сутились у плиты и большого дубового стола.

— Ох, Акиро, мальчик мой, проснулся! — тут же заворковала бабушка Дарья, наша необъятная и добродушная кухарка. Она проворно подхватила тарелку с пышным омлетом и водрузила ее передо мной, стоило мне только опуститься на стул. — Кушай, золотце, кушай! Тебе сегодня силы ой как понадобятся. В эту их школу голодным идти никак нельзя, мозги усохнут!

— Доброе утро, молодой господин, — сдержаннее, но с не меньшей теплотой в голосе поздоровалась бабушка Марта, строгая и подтянутая домработница, протиравшая полотенцем и без того блестящие чашки.

— Ой, вот что ты опять начинаешь! — добродушно отмахнулась бабушка Дарья кухонным полотенцем, будто отгоняя от себя назойливую муху. — Этот твой «молодой господин»...

Совсем уже, старая, с катушек слетела. То таперича Тихона стала господином величать, то Акиро. Чего это с тобой, старая? Раньше гоняла его тудой-судой, а чо теперь случилось? Блинов, чо ли, объелась?

— А ты не лезь, куда не просят! — строго зыркнула на нее бабушка Марта. — Не твоего ума дело, как и кого я называю. Это только такие, как ты, из глубинки, не понимают, что и кому говорят. Тихон сейчас — это не старый пердун с бесполезными железяками, а САМ, — она с гордостью и величием в голосе показательно подняла указательный палец вверх, — не кто-то там с бугра, а целый Коммодор! Это тебе не вареники на прокисшей сметане лепить. Тихон у нас теперь самый что ни на есть господин. Уважаемый человек, между прочим!

— Ой, да иди ты... Тоже мне, нашла уважаемого, — отмахнулась от нее бабушка Дарья, а после, обернувшись ко мне, добавила с безграничной теплотой в голосе: — А ты чего уши развесил? Кушай, солнышко, кушай.

Марта на это лишь согласно закивала головой: мол, слушайся старших, правы они.

Обе женщины относились ко мне с искренней, почти болезненной нежностью. И несмотря на то, что они прекрасно знали, откуда я родом и сквозь какой ад мне пришлось пройти, эти две добродушные бабули приняли меня как родного внука. И теперь они искренне, до дрожи в руках, переживали за мой первый выход в высший свет.

— Ты главное спину держи прямо, Акиро, — наставляла меня Марта, пока я с аппетитом уплетал омлет. — Эти аристократы, они ведь как волки. Чуть слабину покажешь, сутулитесь начнешь, сразу засмеют. Но ты у нас парень видный, статный. Смотри им прямо в глаза!

— И не вздумай стесняться там кушать в столовой! — тут же встряла Дарья, подливая мне горячего чая. — Я тебе с собой таких пирожков с мясом напекла, закачаешься! Если кто будет задирать, ты им пирожок предложи. Глядишь, и подobreют.

— Дарья, ну какие пирожки? — возмутилась Марта, всплеснув руками. — Мальчику нужно авторитет зарабатывать, а не пирожки раздавать! Акиро, если кто-то из этих избалованных сынков рыцарей скажет тебе дурное слово, ты не молчи. Отвечай с достоинством. Только, ради Создателя... — она нервно оглянулась на дверь, понизив голос, — ...не дерись там ни с кем, ладно? И духа своего не выпускай. Нам проблемы с городской стражей ни к чему. Господин Илларион только-только должность получил.

Я чуть не подавился куском бекона, но честно кивнул, пообещав не устраивать в школе кровавую бойню из-за косых взглядов.

В этот самый момент дверь на кухню со скрипом отворилась, и на пороге появилось нечто взлохмаченное. Это была Ингрид. Девушка выглядела так, будто всю ночь разгружала телеги с углем: глаза полузакрыты, рыжие волосы торчат в разные стороны гнездом, а на плечи криво накинута домашний халат.

— Утро... — вяло и хрипло буркнула она, шаркая тапочками по полу в сторону стола.

Она плюхнулась на соседний стул, невидящим взглядом уставилась на пустую кружку и громко зевнула. Дарья тут же бросилась наливать ей кофе. Ингрид лениво подперла щеку кулаком, и вдруг её мутный взгляд сфокусировался на больших настенных часах, висящих над кухонной дверью.

Секунда. Две. Глаза девушки комично расширились, остатки сна сдуло как ураганом.

— Ой! Да мы же опоздаем! — взвизгнула она так, что Марта выронила полотенце.

Ингрид молниеносным движением, которому позавидовал бы любой наемник, перехватила со стола булочку, в один глоток, обжигаясь, влила в себя половину чашки кофе и, сверкая пятками, умчалась в коридор, в сторону ванной комнаты. Только двери хлопнули.

Мы с бабушками переглянулись. Я пожал плечами и совершенно спокойно, не ускоряя темпа, продолжил доедать свой идеальный завтрак. Суета — удел слабых.

Закончив трапезу и поблагодарив Дарью с Мартой, я неспешно поднялся, закинул на плечо приготовленную сумку с тетрадами и вышел в гостиную.

И тут же замер на месте. У входной двери, нетерпеливо постукивая носком туфли по паркету, стояла Ингрид. Полностью собранная, причесанная волосок к волоску и идеально одетая. Как она умудрилась провернуть эту трансформацию за те пятнадцать минут, что я допивал чай — загадка, неподвластная моему пониманию. Видимо, это какая-то особая скрытая сила аристократок.

— Ну и долго тебя ждать? — обвинительно заявила девушка, застегивая ремешок на изящной туфельке. — Мы вообще-то опоздать можем! У нас первый день, а ты еле ползаешь!

— Если бы кое-кто не проспал, пуская слюни в подушку, то мы бы сейчас не спешили, — абсолютно спокойно возразил я, подходя ближе. — К тому же, судя по часам в прихожей, у нас еще куча времени. Идти всего ничего.

Она лишь фыркнула, поправляя воротник.

Мы вышли из дома, погрузившись в утреннюю прохладу города. На дворе стоял второй месяц осени — Жёлтень. Воздух еще не успел налиться зимней стужей, днем солнце грело вполне ласково, но по утрам уже становилось ощутимо прохладно. Деревья вдоль вымощенных камнем улиц сбросили зелень, нарядившись в золото и багрянец, а под ногами приятно шуршала опавшая листва.

Только оказавшись на улице, я наконец-то вспомнил о собственном внешнем виде. И быстро, как умел, рассмотрел себя со всех сторон. Вдруг чего забыл надеть? Или неправильно застегнуть. Заодно и сравнил свой внешний вид с нарядом Ингрид.

Честно говоря, я был удивлен тем, как сильно одежда способна менять восприятие человека. На Ингрид была форма нашей новой школы: темно-синяя юбка чуть выше колен в крупную складку, белоснежная блузка с аккуратным отложным воротником, поверх которой был надет приталенный темный жилет. На груди красовался небольшой, но яркий шейный платок, завязанный сложным узлом. На ногах — темные гольфы и лакированные туфли. Она выглядела строго, элегантно и до одури аристократично. И всё же, несмотря на этот лощеный вид, мое отношение к ней оставалось прежним: я видел в ней в первую очередь ту самую девчонку, с которой мы выживали как могли, проходя через ад и ужас, а не холодную и с виду отстраненную леди.

Сам я тоже преобразился до неузнаваемости. На мне сидели идеально выглаженные темные брюки, белая рубашка, строгий галстук, который я едва научился завязывать, и плотный качественный пиджак глубокого бордового цвета с вышитым на нагрудном кармане гербом учебного заведения. Уличный оборванец исчез, уступив место сыну коммодора. По крайней мере, внешне.

— И всё же, я не понимаю, — нарушил я тишину, пока мы сворачивали на широкий проспект. — Кто там вообще учится? Только знать или есть кто попроще?

— В основном да, — кивнула Ингрид, поправляя сумку на плече. — Дети знатных родов, наследники богатых торговцев, отпрыски потомственных рыцарей и высокопоставленных инквизиторов. Элита сектора, Акиро.

— Замечательно, — скривился я. — Просто чудесно. Но почему мы с тобой оказались в одном классе? Тебе же по статусу положено быть где-то там, среди самых сливок, а меня должны были засунуть в класс для отстающих или новеньких.

Ингрид хитро улыбнулась и скосила на меня глаза:

— Скажи спасибо моему деду и наставнику. Линберг лично настоял на этом. Знаешь, почему? Потому что меня попросили присмотреть за такой агрессивной бестолочью, как ты, чтобы ты в первый же день не устроил резню в коридоре.

— Очень смешно, — буркнул я. — Боюсь, проблема будет не во мне. Вряд ли другие ученики встретят меня с распростертыми объятиями и хлебом-солью. Они же меня живьем сожрут.

— Пусть только попробуют! — Ингрид внезапно остановилась, сжав кулачки, и в ее глазах полыхнула хищная решимость. — Они, конечно, попытаются тебя задеть, это факт. Знать обожает проверять на прочность чужаков. Но ты не переживай, Акиро. Я тебя защищу! Никто не посмеет тронуть моего напарника!

Я посмотрел на эту хрупкую, разодетую в юбочку и блузку девчонку, которая на полном серьезе собиралась заслонить меня грудью от целой толпы богатеньких снобов, и лишь недоверчиво хмыкнул. Звучало, конечно, пафосно, но я сильно сомневался, что в случае реальной травли ее слова не разойдутся с делом. Политика — вещь грязная, а школа знати — это политика в миниатюре.

Остаток пути мы провели, обсуждая мелкие организационные детали, но чем ближе мы подходили к пункту назначения, тем реже я вставлял свои комментарии. Мое внимание было полностью поглощено открывавшейся картиной.

Улица плавно расширилась, переходя в вымощенную светлым камнем просторную площадь. А за ней возвышалось то, что мне предстояло называть школой.

Это был даже не дом, это был настоящий дворец. Территорию учебного заведения опоясывал высокий забор из кованой стали с витиеватыми узорами, а вход преграждали массивные распахнутые настежь ворота, украшенные бронзовыми гербами. За воротами начиналась широкая аллея, обсаженная высокими раскидистыми деревьями, листья которых сейчас полыхали всеми оттенками красного и желтого.

Аллея вела к главному зданию — колоссальному четырехэтажному строению из светлого камня с огромными стрельчатыми окнами, лепниной на фасаде и высокой башней с часами, увенчанной острым шпилем. На идеально ровных газонах журчали декоративные фонтаны. Всё здесь кричало о богатстве, традициях и непоколебимом статусе.

Мы с Ингрид остановились в десятке метров от ворот, вливаясь в поток других учеников. И вот тут-то мои худшие опасения начали подтверждаться.

Площадь перед школой была запружена дорогими экипажами, роскошными каретами, запряженными породистыми лошадьми, и личными слугами, суесящимися вокруг своих юных господ. Ученики, одетые в такие же формы, как и у нас, выходили из экипажей, и каждый их жест был пропитан нескрываемым высокомерием.

Я смотрел на их лица. Ровные осанки, вздернутые подбородки, холодные оценивающие взгляды, скользкие по окружающим. Парни с идеальными прическами небрежно бросали сумки своим слугам. Девушки стайками щебетали, прикрывая рты изящными веерами, но при этом цепко сканировали каждую проходящую мимо соперницу.

Они выглядели именно так, как я себе и представлял детей знатных особ. Сытые. Заносчивые. Уверенные в своей абсолютной безнаказанности и превосходстве.

И внезапно на меня накатило мощнейшее чувство дежавю. Я замер, чувствуя, как похолодели кончики пальцев. Я уже видел эти взгляды. Я уже видел это поведение. Точно так же, с такой же брезгливой надменностью, на меня смотрели другие претенденты на ученичество у Линберга. Те самые холеные детки аристократов, которые смеялись над моими познаниями, когда мы только прибыли на отбор.

Где они сейчас? Вернулись домой, сдавшись без боя. А если бы остались, то сейчас бы лежали в сырой земле Скрала. Разорванные демонами, сошедшие с ума от страха, выпотрошенные собственными амбициями и неспособностью выжить за пределами своих уютных особняков. Та мясорубка пережевала и выплюнула бы их, не поперхнувшись ни их родословными, ни их деньгами.

Я глубоко вдохнул прохладный воздух, чувствуя, как за спиной, где покоился мой меч в ножнах, слабо пульсировала энергия духа. Губы сами собой растянулись в хищной кривой усмешке.

Пусть смотрят. Пусть задирают носы. Если они думают, что уличный мусор будет прятаться по углам, их ждет очень большое разочарование. Я прошел через настоящий ад, и эта школа из белого камня точно не станет моей могилой.

— Идем? — Ингрид тронула меня за локоть, выводя из оцепенения.

— Идем, — спокойно кивнул я, шагнув за кованые ворота. — Пора грызть гранит науки. Главное, зубы не сломать.

Глава 3

Внутри школа оказалась еще более здоровенной и подавляющей, чем снаружи. Высоченные потолки, длинные коридоры, застеленные дорогами коврами, которые полностью скрадывали шаги. И запахи тут были особенные. За последнее время, которое я прожил в доме Тихона в престижном районе, я уже успел подзабыть трущобную вонь сточных канав, сырость подворотен и гарь нищих кварталов. Мой новый дом пах чистотой, хорошим табаком приемного отца и свежей выпечкой. Но здесь, в этих стенах из белого камня, воздух был совсем другим — приторным, чужим. Пахло воском для паркета, мелом, чистой бумагой и запредельно дорогими духами, от которых у меня сразу зачесалось в носу. Как сказал однажды мой бывший наставник: «Чем сильнее вонь, тем дороже духи». Теперь я полностью осознал истину его слов.

А еще в голове было непривычно, даже пугающе тихо. Мой бестелесный сожитель, который с самого утра трепал мои нервы своими саркастичными комментариями, внезапно заткнулся и пропал. Спрятался в своей изнанке реальности и носа не казал. С одной стороны, скатертью дорожка, хоть никто не зудел в уши. А с другой, без его невидимого присутствия, которое уже успело стать чем-то вроде радара, я чувствовал себя в этой школе как слепой котенок. Будто у меня отобрали оружие.

Хотя главной моей бедой сейчас были даже не бесконечные коридоры, а чертова школьная форма.

Как только Тихон официально сделал меня своим сыном, все мои старые уличные лохмотья отправились прямиком в прошлое. Меня одели в нормальные новые вещи. К хорошим штанам и чистым легким рубашкам, в которых я тренировался на заднем дворе, я привык быстро. Они были удобными и не мешали двигаться. Но этот парадный бордовый пиджак и плотная удавка-галстук казались мне изощренным орудием пыток. Накрахмаленный воротник рубашки безжалостно тер шею при каждом повороте головы. Жесткие плечи пиджака сковывали движения так, что я даже руки нормально развести не мог. Я привык к свободе, к тому, что в любой момент нужно быть готовым уклониться от удара или рвануть с места. А в этом дорогом безобразии я чувствовал себя набитым соломой чучелом. Случись сейчас драка, меня прирежут прежде, чем я успею замахнуться.

Пока мы шли к классу, я то и дело дергал воротник, пытался хоть немного ослабить галстук, который, казалось, перекрывал мне воздух, и постоянно поправлял полы пиджака, которые упрямо топорщились. Спину-то я держал прямо — старый Аскольд вбил в меня эту привычку палкой на тренировках — но руки жили своей жизнью, постоянно пытаюсь одернуть жмущую ткань. Любой внимательный человек с первого взгляда понял бы: этот парень хоть и одет дорого, но к официальным мундирам вообще не привык и чувствует себя в них как дикая лошадь под седлом.

Мы с Ингрид остановились перед тяжелой дубовой дверью с блестящей латунной табличкой «Класс 4-Б». Подруга покосилась на меня, тяжело вздохнула, шлепнула по руке, которой я опять полез чесать шею под воротником, и уверенно толкнула створку.

Комната была огромной и светлой. Окна от пола до потолка, три ряда новеньких блестящих парт. Когда мы вошли, гул мгновенно стих. Двенадцать пар глаз уставились на нас как по команде. Я быстро прикинул расклад: шесть парней и шесть девчонок. С нами вместе будет четырнадцать человек. Как-то маловато для класса. Или это суть элитной школы? Наверное так и есть.

Тяжелая тишина повисла в воздухе. Я кожей почувствовал оценивающие холодные взгляды. Смотрели высокомерно, с прищуром. Эти богатенькие детки прекрасно знали, кто мы такие, слухи в их кругах расходятся быстро. К Ингрид у них вопросов не было. Дочь капитана инквизиции — это сила, это статус, тут всё понятно. А вот на меня они смотрели с открытым пренебрежением. Сын самого Коммодора рыцарей тринадцатого сектора Иллариона Тихона! Звучало-то громко. Да только для этих потомственных снобов мой отец был просто удачливым выскочкой. Человеком без знатной родни, которому просто крупно повезло занять высокую должность, когда после недавней неразберихи на границе полетели головы прежних начальников. А раз Тихон для них — случайный назначенец, то и его сын — точно такой же выскочка, которому купили место в элитной школе. О том, что я вообще-то приемный, никто из них, слава богам, пока не знал, но моя дерганая манера постоянно поправлять непривычный мундир явно добавляла им пищи для ума. Мол, одели парня за счет казны, а манерам научить забыли.

Но самым опасным человеком в комнате были не эти расфуфыренные детки. У классной доски стояла женщина. На вид ей было под сорок, но держалась она так прямо и жестко, будто вместо позвоночника у нее был стальной штырь. Строгий темно-серый костюм сидел на ней без единой складочки. Волосы стянуты в идеально гладкий тугий узел на затылке. А в глазах такой ледяной холод, что меня невольно пробрало. Я таких людей знал по улицам. Они не кричат и не машут кулаками. Они ломают людей одним лишь взглядом.

— Проходите и занимайте свободную парту в третьем ряду, — голос у неё был как щелчок хлыста. Ровный, четкий. И уже повернувшись в сторону всего класса, добавила. — Что же, придется повторить. Меня зовут Валерия Павловна Власова. Я ваш новый классный руководитель и преподаватель истории Гадара. В моем классе не терпят опозданий, лени и глупости. Надеюсь, мы поняли друг друга.

— Да, Валерия Павловна, — слаженным послушным хором отозвались ученики.

Мы с Ингрид пошли по проходу между рядами. Пиджак предательски жал подмышками. Я краем глаза заметил, как холеный парень с первой парты, с золотой заколкой на галстук, прикрыл рот рукой, скрывая насмешливую ухмылку, и что-то шепнул своему соседу. Тот тоже презрительно улыбнулся. Ну да, ухмыляйтесь. Посмотрел бы я на ваши улыбочки там, на границе, когда земля под ногами ходуном ходила от шагов орды нечисти.

Мы сели за парту в самом конце. Учительница сухо стукнула указкой по столу, и начался первый урок. История.

Она заговорила о прошлом нашего тринадцатого сектора. О том, как строились первые заставы, как доблестные рыцари защищали границы от порождений нечисти. Говорила складно, слова лились красиво, как по писаному. Вот только я слушал её правильную речь, и у меня внутри всё сжималось от глухого раздражения. Она рассказывала о войне с нечистой так, будто это была легкая прогулка. Благородные подвиги, блестящие доспехи, чистые победы... Эта женщина с идеальной прической в жизни не видела, как одержимый рвет зубами человеческое горло. Не знала, как воняют горелая плоть и первобытный страх. Для нее всё это было лишь строчками в умных книгах. И для этих двенадцати сынков и дочек знати тоже. Они сидели с идеальными осанками, аккуратно макали перья в чернильницы и даже не догадывались, какая кровавая пасть дышала им в затылок за стенами их красивого безопасного мирка.

Наверное я бы и дальше сам себя накручивал на ровном месте, но неожиданно все прекратилось. Я даже не понял, что произошло. Просто посмотрел на Ингрид, и увидел в ее

взгляде понимание. И от этого стало легче дышать. Я здесь не один. Есть тот, кто пережил и видел то же самое, что и я. И видимо ей тоже не особо нравилось слушать «красивые» истории о великих подвигах. Не помню, где я это слышал, или прочитал, но фраза, как по мне, идеальная. «Герои появляются только там, где нужно прикрыть своим телом ошибку больших начальников на поле боя».

Валерия Павловна между тем перешла к очередному общему разделу. И как я понял, сейчас она рассказывала в общих чертах то, что мы будем учить весь год. То есть подробнее мы все узнаем позже. Я ее слушал вполуха. Меня больше волновала моя реакция. С чего это я так резко озлобился на ее слова и реакцию окружающих? Хотя ответ я, кажется, знал. И это долбаный костюм, будь он неладен. А ведь когда надевал и даже когда шел в школу, он особо меня не нервировал. Но сейчас....! Ууу, с каким удовольствием я бы стянул пиджак и эту удавку с шеи.

Громкий резкий звон колокола, возвестивший об окончании урока, ударил по ушам так внезапно, что я не успел ничего сообразить. Мышцы сработали сами, опережая мысли. Правая рука мгновенно рванулась вбок, туда, где на поясе обычно висел меч, а пальцы левой судорожно вцепились в край парты, готовые толкнуть тяжелое дерево вперед, чтобы использовать его как укрытие. Глаза за долю секунды обшарили комнату: окна, выходы, углы. Сердце заколотилось в груди как бешеное, а к горлу подкатил знакомый горький привкус адреналина.

Секунда. Две. Ничего не произошло. Никаких демонов, никакой нечисти. Всего лишь дурацкий школьный звонок.

Валерия Павловна невозмутимо закрыла свой журнал, поднялась со своего места и четким размеренным шагом вышла из класса. А комната вокруг меня тут же взорвалась десятками голосов. Стулья заскрипели по паркету, девчонки захихикали, общаясь между собой, парни начали бурно что-то обсуждать. Обычная перемена.

Я заставил себя разжать пальцы, которые почти побелели от напряжения, и медленно шумно выдохнул, пытаясь унять дрожь в коленях. Черт. Кажется, этот долбаный костюм действительно сводил меня с ума, раз я готов кидаться на стены от громкого звука. Я снова потянул воротник рубашки, чувствуя, как под накрахмаленной тканью шея покрылась липким потом.

Ингрид слегка повернулась ко мне, положив локти на парту. Она не стала спрашивать, почему я дернулся, она сама на мгновение замерла, когда зазвенел колокол. В её глазах промелькнула всё та же настороженность, но она быстро взяла себя в руки и едва заметно кивнула в сторону первых рядов.

— Ну что, Акиро, осмотрелся? Добро пожаловать в наш новый террариум, — тихо, одними губами произнесла она, косясь на одноклассников. — Давай я тебя немного просвещу, чтобы ты знал, от кого чего ждать. Видишь тех четверых у окна? Два хлыща и две девчонки в золотых заколках.

Я присмотрелся к кучке, которая вальяжно развалилась за партами.

— Тот наглый тип, который над твоим воротником ехидно ухмылялся — Михаил Мещерский, — шепнула Ингрид. — Его папаша заправляет всеми оружейными мануфактурами в секторе. Деньги, связи, гонор до небес. Рядом с ним Дима Волконский. Род у него древний, как сам Гадар, но они почти обнищали, так что парень из кожи вон лезет, чтобы казаться важным и не отставать от Мещерского. Девчонки с ними — такие же чистокровные снобы из знати. Смотрят на всех как на прилипшую к подошве грязь. Тебя они уже записали в выскочки, так что жди подвоха.

Я молча кивнул. Понятно. Эти четверо привыкли, что мир крутится вокруг их фамилий. Опасны ли они? Вряд ли. Изнеженные, сытые. Но нагадить втихую через своих влиятельных родителей точно могли.

— А вон те, в центре? — я кивнул на самую большую компанию из пяти человек. Три девчонки и два парня о чем-то громко спорили, размахивая бумагами.

— Это дети высокопоставленных чиновников, — пояснила Ингрид, и в её голосе послышались ироничные нотки. — Вон тот пухлый, который сейчас пирожное жуёт — Чистяков, сын главного казначея тринадцатого сектора. Остальные — детки судей и главы налогового ведомства. Синекуры, Акиро. Голубой крови у них нет, титулов тоже, зато их папаши сидят на мешках с казенным золотом и управляют всеми налогами. Знать их презирует за «низкое» происхождение, но вслух помалкивает. Потому что папочка Чистякова может одним росчерком пера перекрыть Мещерским все их оружейные льготы. Так что эти чинуши тут чувствуют себя вполне уверенно.

Я проводил взглядом пухлого Чистякова, который как раз вытирал испачканные кремом пальцы о дорогую шелковую салфетку. Но ровным счетом ничего из себя не представлял. Обычный мягкий мешок с деньгами.

— Ну и ладно, с этими всё понятно, — буркнул я, переводя взгляд на дальний угол у самой двери. — А эти трое кто? Которые разодеты так, будто прямо отсюда собрались на танцы или в кабак?

За дальней партой сидели двое парней и девчонка. И выглядели они, мягко говоря, странно для элитной школы. Парни сидели в расстегнутых на несколько пуговиц рубашках, демонстрируя массивные золотые цепочки, на пальцах поблескивали перстни, а один из них лениво крутил в зубах зубочистку. Но девчонка между ними переплюнула вообще всех. Мало того, что у её блузка была расстегнута настолько глубоко, что это нарушало вообще любые приличия, так она еще и умудрилась накрасить губы вызывающе-яркой красной помадой, а волосы выкрасить в дикий вишневый цвет.

— О, это наша местная «святость», — фыркнула Ингрид, едва сдерживая смехок. — Дети высокопоставленных церковников. Девчонка — Стелла, дочь второго советника самого епископа.

Я удивленно моргнул, чуть не выдав себя. Церковников? Я-то помнил монаха Илая из приюта — тот вечно ходил в пахнущей сыростью темной рясе, бормотал себе под нос и выглядел как ходячий мертвец. А после им же и оказался. Ну или те, которые на отборе были. Тоже вели себя более-менее скромно, да и молились чуть ли не каждую минуту. А эти трое...

— И что, папаша за такой вид ей голову не оторвал? — искренне удивился я.

— А кто ей что сделает? — Ингрид пожала плечами. — Сами они в бога верят только тогда, когда нужно выпросить у родителей новые дорогие шмотки. Обычная избалованная молодежь, у которой столько денег и защиты, что им плевать на любые правила. Папаша у Стеллы молится день и ночь, грехи сектору отпускает, а дочурка вовсю пользуется его властью. Держаться они будут явно особняком, и в дела класса лезть не станут, но если ты их зацепишь, папочкины дружки из консистории быстро устроят тебе и твоему отцу проблемы. Так что не связывайся с ними, Акиро. Там вместо мозгов сплошное кумовство и интриги.

Я посмотрел на Стеллу, которая как раз громко и фальшиво рассмеялась над шуткой одного из своих спутников. Да уж. Похоже, большая часть церковников везде одинаковы. Что в нищих приютах, что в богатых кварталах, под святыми крестами всегда прячется одно и то же гнилье.

В голове снова зашумело. Все эти интриги, налоги, мануфактуры, епископы... У меня уже натурально начала болеть голова от этой лекции. Я пытался честно вникнуть и запомнить, кто здесь кому приходился родственником, и у кого больше золота, но выходило с большим трудом. Мой мозг, заточенный под совершенно другие задачи, упорно отказывался воспринимать этот мирный террариум всерьез.

Но выбирать не приходилось. Нам с Ингрид предстояло провести здесь целый год. И судя по всему, этот год обещал быть очень долгим.

Второй звонок я перенес легче. Рука по привычке дернулась к поясу, но я вовремя отдернул её, сделав вид, что просто поправляю полы своего дурацкого бордового пиджака. Который, к слову, жал всё сильнее, будто его ткань медленно ссыхалась прямо на мне.

Начался второй урок. В класс медленно шаркая подошвами, вполз древний, как сам Гадар, старик в потертом, но идеально выглаженном сюртуке. Звали его господин Оболенский, и преподавал он предмет под издевательским названием «Этикет и правила хорошего тона».

Если первый урок казался мне просто глупым, то этот превратился в изощренную пытку. Дед встал у кафедры и начал вещать. Голос у него был тихий, монотонный, без единой эмоции. Он жужжал, как жирная осенняя муха, летающая по комнате и не дающая уснуть. Битый час этот Оболенский на полном серьезе распинаясь о том, под каким именно углом нужно наклонять голову, если ты встретил на улице рыцаря третьего ранга, и в какой руке полагается держать чайную чашку на приеме у городского наместника. А еще, чем отличается легкий кивок вдове барона от поклона его незамужней дочери.

Я сидел и чувствовал, как мой мозг натурально плавился. Кому вообще в здравом уме сдались эти поклоны? Какая к демонам разница, как ты держишь чашку? Если на тебя из подворотни прыгнет одержимый, ему будет абсолютно плевать, с какой интонацией ты с ним поздороваяешься, прежде чем он откусит тебе лицо. В моем мире этикет был один: бей первым, не поворачивайся спиной и не свети деньгами. А здесь эти напыщенные детки сидели и с умным видом конспектировали, как правильно пользоваться десертной вилкой.

В классе было тепло. Солнце припекало через огромные окна, голос деда убаюкивал, а мышцы, которые весь последний месяц Линберг рвал на куски своими тренировками, предательски расслабились. Я подпер щеку кулаком. Накрахмаленный воротник рубашки перестал так сильно резать шею. Мои веки налились свинцом и начали медленно и неотвратимо сползать вниз. Я уже почти провалился в темную спасительную пустоту, где не было ни мануфактур, ни баронов, ни бордовых пиджаков...

ХРЯСЬ!

Острый каблук Ингрид с безжалостной силой впечатался прямо в носок моего ботинка под партой.

Боль вспыхнула такая, что я чудом не взвыл на весь класс. Я резко дернулся, ударившись коленом о столешницу, и бешено зыркнул на подругу. Моя рука рефлекторно сжалась в кулак. Ингрид сидела с идеально прямой спиной, сложив руки на парте, и преданно, не моргая, смотрела на бубнящего профессора. Но уголки её губ едва заметно подрагивали. Вот же гадюка! Выживешь в мясорубке с нечистью, и все ради того, чтобы сдохнуть от удара девичьим каблуком на уроке этикета. Ей-то легко, она в этих реверансах с рождения варится, для неё это естественная среда. А для меня это просто белый шум.

Я потер ушибленное колено и до конца урока сидел ровно, злобно сверля взглядом затылок сидящего впереди Волконского и мечтая стянуть с шеи проклятый галстук.

Третий урок принес неожиданное облегчение. Это была математика. В класс вошел высокий сухой господин в строгих очках на носу — Виктор Степанович. Он не стал тратить время на расшаркивания, а сразу отвернулся к доске и начал быстро, с громким стуком мела, выписывать длинные ряды формул, дробей и задач на расчет площадей и объемов. Судя по всему, это был стандартный уровень для последнего класса школы.

Класс мгновенно приуныл. Девчонки тихо застонали, с тоской глядя на доску. Аристократы вообще скисли. Мещерский пялился в свою тетрадь так, будто там было написано заклинание вызова демона, и нервно грыз конец дорожной перьевой ручки. Церковные бунтари откровенно зевали, даже не пытаясь делать вид, что понимают, о чем речь. Стелла лениво накручивала на палец свой вишневый локон, глядя в окно.

А я посмотрел на доску и просто начал считать.

Для этих детей знати цифры были чем-то скучным и ненужным. Им казалось, что за них всё всегда посчитают управляющие и слуги. А для меня математика была вопросом жизни и смерти. Спасибо старому Нумару. На грязных улицах трущоб без чисел ты труп. Тебя обдурят на рынке, обвесят барыги, ты неправильно рассчитаешь запас хлеба на зиму и просто сдохнешь от голода. Я с малых лет умел в уме высчитывать проценты скупщикам, делить награбленное на доли и прикидывать площадь склада, чтобы понять, сколько контрабанды туда влезет и сколько из нее можно будет потом незаметно украсть.

Поэтому школьные задачки показались мне сущей детской забавой. Я взял ручку — непривычно тяжелую, не то что огрызки угля, которыми я писал раньше — и начал быстро заполнять страницу ответами. Дробь складывалась в целые числа, уравнения решались сами собой. Числам плевать на твою родословную. Им плевать, кто твой отец, коммодор, казначей или слепой вор. Они подчинялись только логике.

Виктор Степанович, расхаживая между рядами, на секунду остановился у нашей парты. Он подозрительно скосил глаза на мою тетрадь, видимо ожидая увидеть там кляксы и кривые каракули. Но пробежавшись взглядом по ровным столбцам правильных вычислений, удивленно вскинул брови. Он ничего не сказал, только хмыкнул себе под нос и пошел дальше.

Я же впервые за весь этот дурацкий день почувствовал себя уверенно. Пусть они смеются над тем, как я дергаю воротник. Пусть считают выскочкой. Зато у меня есть мозги, заточенные под реальный мир, а не под баронские чаепития. И скоро, очень скоро, на четвертом уроке им придется столкнуться со мной на поле, где их статус не будет стоять и ломаного гроша. Ибо следующий урок — атлетика.

Когда мы спустились на первый этаж и вошли в просторную мужскую раздевалку, я первым делом с нескрываемым наслаждением сорвал с шеи галстук и скинул проклятый бордовый пиджак. Казалось, я сбросил с плеч мешок с камнями. Дышать сразу стало легко. Школьная спортивная форма оказалась куда более разумной: простые, не стесняющие движений темные штаны и легкая серая рубашка из дышащей ткани. Влезть в них после жесткого мундира было всё равно, что вернуться домой.

Мы вышли через задние двери школы на залитый солнцем огромный стадион. Идеально ровные беговые дорожки, посыпанные мелкой красной крошкой, турники, брусья, полосы препятствий — всё выглядело новеньким и дорогим.

У кромки поля нас уже ждал преподаватель. Высокий поджарый мужик с короткой стрижкой и военной выправкой. Звали его Громов. Судя по сломанному носу и цепкому жесткому взгляду, которым он окинул наш класс, мужик явно успел послужить в войсках.

— Итак, господа студюзусы! — зычно гаркнул он, заставив стайку девчонок испуганно вздрогнуть. — Каникулы кончились. Хватит протирать штаны за партами. Сегодня у нас вводное занятие, проверим, не обросли ли вы жиром за лето. Задача простая: разминочный бег — пять кругов по стадиону, затем переходим на снаряды. Налево! Шагом марш! Переходим на бег!

Класс нестройной ленивой толпой поплелся по кругу. Первые пару минут всё шло нормально. Детки знати и чиновников бежали, переговариваясь на ходу, кто-то даже пытался шутить.

А я... я вдруг понял, что впервые за весь этот дурацкий день чувствовал себя как рыба в воде.

Мои мышцы, которые привыкли в свое время к изматывающим тренировкам, сейчас просто пели от радости. Особенно после того, как старый Аскольд гонял нас с Ингрид по вспаханному полю с утяжелителями на ногах, школьный бег по ровной пружинящей крошке казался мне легкой прогулкой. Никакой грязи, никаких веток, бьющих по лицу, никакого страха, только чистая радость движения. Воздух легко и ритмично наполнял легкие, сердце

работало как часы, перекачивая кровь ровными толчками. Я чувствовал каждую мышцу в своем теле, и это тело было идеальным инструментом.

На третьем круге для элиты класса началась форменная катастрофа.

Пухлый Чистяков, сын казначея, раскраснелся так, будто его ошпарили кипятком. Он дышал тяжело, с противным свистом, его щеки тряслись, а из-под волос градом катился пот. Михаил Мещерский и Дима Волконский, которые еще час назад задирали носы на истории, теперь держались за бока и еле переставляли ноги, с ненавистью глядя на беговую дорожку. Девчонки вообще скисли. Стелла, эта церковная бунтарка с вишневыми волосами, остановилась, картинно обмахиваясь рукой и жалуясь кому-то на сломанный ноготь и испорченную прическу. К четвертому кругу почти весь класс, за исключением пары ребят, просто брел пешком, хрипя и проклиная всё на свете. Для них эта «атлетика» была тяжелейшей каторгой.

Мы с Ингрид бежали рядом, замыкая пятый круг. Шаг в шаг. Дыхание абсолютно ровное. Я мельком глянул на подругу, на её лице не было ни капли пота, только легкий румянец. Она двигалась с грацией тренированного бойца, не делая ни одного лишнего движения.

Мы играючи обогнали пыхтящего Мещерского на целый круг. Я пробежал мимо, даже не сбив дыхания, а он проводил меня таким бешеным, полным унижения взглядом, будто я у него кошелек украл. В этот момент я окончательно осознал простую истину. Забери у них деньги, гербы и влиятельных папаш, раздень их догола и брось на улицу, и они не продержатся там и дня. Они просто слабое рыхлое мясо.

Когда бег закончился, Громов, скрестив руки на груди, с мрачным презрением оглядел валяющихся на траве и жадно глотающих воздух учеников.

— М-да. Жалкое зрелище, — констатировал он. — Вы не гвардейцы, вы мешки с песком. Ладно. К снарядам! Новенький, как там тебя... Акиро! К перекладине. Посмотрим, на что ты годишься.

Я легко оттолкнулся от земли, подошел к турнику и запрыгнул на высокую перекладину. Металл приятно холодил ладони.

— Выполняй подтягивания. Чисто, без рывков, — скомандовал Громов, достав секундомер.

Я подтянулся. Раз. Два. Десять. Мое тело, перестроенное духовной энергией и закаленное драками за жизнь, вообще не чувствовало напряжения. Двадцать. Тридцать раз. Я делал это технично, ровно, используя только силу спины и рук. Я мог бы сделать и пятьдесят, но решил, что для первого раза хватит.

Я разжал руки и мягко, на полусогнутые ноги, приземлился на крошку.

Обернувшись, я замер. Весь класс, включая девчонок, стоял и пялился на меня в абсолютно гробовом молчании. У Мещерского даже рот приоткрылся. Никто больше не ухмылялся, не шептался и не прятал насмешливые улыбки. Эти парни и девчонки, которые еще утром хотели надо мной поржать, сейчас смотрели на меня с откровенным шоком. Громов тоже молчал, задумчиво постукивая секундомером по ладони, и в его глазах читалось явное уважение.

Контраст между их слабыми тушками и моей формой оказался просто сокрушительным. И мне, черт возьми, это чертовски понравилось.

Урок атлетики подошел к концу, оставив после себя измотанные тела и растоптанное эго тунейдцев. Мужская раздевалка наполнилась тяжелым надрывным дыханием, запахом пота и влажного дерева. Большинство парней, еще утром кичившихся своими манерами и дорогими часами, сейчас еле держались на ногах. Они тяжело опускались на длинные деревянные скамьи, дрожащими пальцами пытаясь расшнуровать спортивную обувь.

Акиро вошел одним из первых. На его лице не было ни капли усталости, а дыхание оставалось ровным, будто он только что прогулялся по парку, а не пробежал пять кругов наравне с бывшим военным инструктором. Он молча, ни на кого не глядя, стянул через голову серую рубашку, подхватил с металлического крючка полотенце и скрылся за матовой стеклянной дверью душевой. Вода зашумела почти сразу.

Только тогда напряжение в раздевалке немного спало, и развязались языки.

Михаил Мещерский тяжело привалился спиной к холодной стене железного шкафчика. Его лицо, обычно бледное и надменное, сейчас шло некрасивыми красными пятнами. Он скомкал в руках влажную рубашку, безуспешно пытаясь отдышаться, и с ненавистью посмотрел на закрытую дверь душа.

— Нет, вы вообще это видели? — хрипло выдавил из себя Дмитрий Волконский, нарушая тишину. Он сидел, согнувшись пополам, уперев локти в колени. — Этот выскочка... Он же как машина. Тридцать подтягиваний! И хоть бы раз сбился. Вы видели лицо Громова? Инструктор на него смотрел так, будто слиток чистого золота в луже нашел.

— Дворовая шпана, — зло сплюнул Мещерский, хотя в его голосе уже не было прежней ледяной уверенности. Он попытался презрительно скривить губы, но вышло жалко. — Всю жизнь по улицам бегал да с собаками дрался. Вот и натренировался. Мускулы качать — ума не надо. Ничего особенного.

— Ничего особенного? Шпана? — внезапно подал голос пухлый Чистяков.

Сын казначея забился в самый дальний угол скамьи. Его обычная снисходительность, с которой он взидал на окружающих, испарилась без следа. Сейчас он выглядел откровенно напуганным.

— Миша, ты вообще его спину видел? — тихо спросил Чистяков, обводя парней круглыми глазами.

Все замолчали и повернулись к нему.

— Я стоял рядом, когда он рубашку снимал, — Чистяков нервно сглотнул, и его пухлые щеки слегка задрожали от воспоминания. — Парни, там живого места нет. Вообще. Вся спина, плечи, бока... Всё в шрамах. И это не от ножей в подворотне. Рваные, глубокие, жуткие рубцы, уходящие прямо под ребра. Мой отец иногда нанимает ветеранов пограничных застав для охраны налоговой казны, я видел, как они переодеваются. Так вот, у них таких следов полно. Это следы от когтей. Настоящих огромных когтей. Как будто его пытались разорвать пополам, а он почему-то выжил.

В раздевалке повисла тяжелая густая тишина, нарушаемая лишь глухим шумом воды из душевой. Церковный мажор, один из тех двоих, что сидел со Стеллой на задней парте, нервно поправил массивную золотую цепочку.

— Да ну, бред, — попытался отмахнуться он, хотя его глаза тревожно забегали. — Бродячие псы покусали, вот и всё. Какие когти? Мы в Гадаре живем, а не на фронтире.

— Собаки так не рвут, — покачал головой Волконский и воровато оглянулся на дверь. Он подался вперед, понижая голос до торопливого шепота, заставляя остальных придвинуться ближе. — Слушайте... Все же помнят про ту бойню на границе сектора месяц назад? Ну, когда твари прорвали заставы?

Остальные мрачно кивнули. Об этом трубил весь город, хоть инквизиторы и пытались всеми силами замаять истинные масштабы катастрофы. Никто из этих детей не знал названий разоренных деревень или имен погибших командиров, это было ниже их достоинства и вне их интересов. Но то, что там полегла уйма народа и целые элитные отряды, было известно всем.

— Так вот, — продолжил Волконский, глаза которого лихорадочно блеснули от осознания собственной осведомленности. — У меня старший брат в канцелярии тринадцатого сектора бумаги перебирает. Он вчера за ужином обмолвился про нашего нового коммодора. Брат сказал, что Илларион Тихон вроде как сам лично вытащил этого Акиро и девчонку Яго прямо

из того пекла. Говорят, они были в самом эпицентре прорыва. Там, где сгинул бывший коммодор. А они выжили.

Слова повисли в воздухе. До ребят начало доходить. Одно дело — насмехаться над выскочкой, которому случайно повезло оказаться сыном влиятельного рыцаря. И совсем другое — задирать того, кто прошел через настоящую мясорубку с нечистью, где гибли даже бронированные гвардейцы.

Пазл в их головах стремительно складывался в пугающую картину. Странное поведение на уроках. Мертвая хватка на турнике. Взгляд, в котором не было ни капли уважения к их гербам. И эти чудовищные шрамы. Аристократы, привыкшие оценивать людей по длине родословной и толщине кошелька, внезапно столкнулись с совершенно иной системой координат. Системой, в которой их статус не значил ровным счетом ничего, а парень из ниоткуда являлся высшим безжалостным хищником.

Мещерский медленно, словно в трансе, отложил свою потную рубашку на скамью. Спесь слетела с него, как старая ненужная шелуха. Животный инстинкт, дремлющий даже в самых богатых и защищенных наследниках, сейчас бил во все колокола: этого парня лучше не трогать. Просто не стоять у него на пути. Себе дороже выйдет.

Щелкнул замок. Дверь душевой открылась, выпустив густое облако теплого пара. В раздевалку шагнул Акиро.

Разговоры оборвались мгновенно. Комната погрузилась в мертвую звенящую тишину.

Парни, которые еще утром снисходительно ухмылялись ему вслед, вдруг разом нашли очень важные дела. Волконский начал яростно шнуровать ботинки, низко опустив голову. Чистяков уставился в пол, делая вид, что ищет упавшую монету. Мещерский поспешно отвернулся к стене, натягивая чистую рубашку трясущимися руками.

Акиро не обратил на них никакого внимания. Он на ходу вытирал мокрые волосы полотенцем, подошел к своему шкафчику и молча оделся. Лишь когда ему пришлось снова накинуть на плечи тесный бордовый пиджак, на его лице промелькнула легкая гримаса раздражения. Он не произнес ни слова, забросил школьную сумку на плечо, скользнул по притихшим одноклассникам совершенно пустым, ничего не выражающим взглядом и вышел в коридор.

Только когда за ним плотно закрылась дверь, элита класса смогла наконец нормально выдохнуть. Школьная иерархия, строившаяся годами на титулах и золоте, только что дала глубокую непоправимую трещину.

Глава 4

Возвращение домой прошло почти в полном молчании. Мы с Ингрид шагали по вымощенным ровным камнем улицам, и каждый думал о своем. Я то и дело дергал проклятый воротник, мечтая только об одном, поскорее сорвать с себя удавку галстука и снять бордовый пиджак. Ингрид тоже была задумчивой, хотя в отличие от меня, в школьной форме она смотрелась так, будто в ней и родилась.

Как только за нами закрылась тяжелая входная дверь дома Тихона, я даже разуваться не стал нормально, а скинул туфли прямо на ходу, небрежно бросил сумку на полку и, перепрыгивая через ступеньку, рванул к себе в комнату на второй этаж.

Первым делом в угол полетел чертов галстук. Следом за ним, с едва сдерживаемым рычанием, я стянул жесткий бордовый пиджак, отшвырнув его на спинку стула. Накрахмаленная рубашка, казалось, прилипла к спине, но и от нее я избавился с таким остервенением, словно сдирая с себя чужую ядовитую чешую.

Я остался по пояс голым, жадно втягивая носом прохладный воздух комнаты. В груди гудело. Я быстро натянул привычные слегка потертые тренировочные штаны и свободную серую майку. Ткань мягко легла на кожу, нигде не тянуло, не жало, плечи наконец-то можно было развернуть на полную ширину.

Вот оно. Свобода.

Я закрыл глаза, ожидая, что сейчас то самое глухое мерзкое раздражение, которое копилось во мне с самого первого урока, наконец-то отпустит. Уйдет вместе с ненавистным школьным мундиром. Расплескается и исчезнет.

Но оно не ушло.

Внутри всё равно кипело. Тугая раскаленная добела пружина свернулась под ребрами и даже не думала разжиматься. Меня бесило всё. Слишком громкое тиканье часов на стене. Слишком яркий свет из окна. Собственное отражение в зеркале — взъерошенный парень с тяжелым взглядом, который почему-то злился на ровном месте. Дух по-прежнему молчал, забившись в свою астральную нору, так что свалить мое паршивое состояние на его фокусы не получалось.

— Да какого демона? — тихо процедил я, с силой потирая лицо ладонями.

Желудок вдруг напомнил о себе громким урчанием. Точно, я же с самого утра маковой росинки во рту не держал. Может дело в этом? Старая уличная привычка: голодный — значит злой. Поешь, и станешь добрее.

Я спустился на первый этаж и направился на кухню. Там как всегда вкусно пахло жареным мясом, чесноком и свежим хлебом. Бабушка Дарья, повязанная белоснежным фартуком, стояла у плиты, помешивая в большой чугунной сковороде.

— О, Акиро вернулся! — она обернулась и тут же расплылась в теплой по-настоящему домашней улыбке. — Ну как оно там, в этой вашей школе? Сильно мучили? Садись давай, сейчас кормить буду.

— Нормально. Жить можно, — буркнул я, плюхаясь на стул.

Дарья проворно метнула передо мной глубокую тарелку с горячим густым мясным рагу, поставила кружку с ягодным компотом и пододвинула корзинку с нарезанным хлебом.

Я схватил ложку и принялся есть. Быстро, резко, почти не жуя. Мясо было мягким, таяло во рту, не чета тем жестким жилистым кускам сомнительного происхождения, которые я когда-то жарил на костре в трущобах. Но сейчас мне казалось, что я жевал картон. Ложка со звонким раздражающим стуком билась о дно тарелки. Дзинь. Дзинь. Я глотал горячую еду, обжигая язык, но даже не замечал вкуса. В голове назойливо крутились надменные лица одноклассников, голос ледяной училки по истории, хрипящий на беговой дорожке Мещерский. Куча идиотов, которые играли в жизнь, пока на границах сектора земля пропитывалась кровью.

Я потянулся за куском хлеба, резко дернул рукой и случайно зацепил локтем кружку с компотом. Та угрожающе накренилась. Я успел перехватить ее у самой кромки стола, расплескав немного красной жидкости на чистую скатерть, и со стуком впечатал обратно.

— Тихо-тихо, солнышко, ты чего так торопишься? Никто ж твою еду не отберет, — мягко, но с явной тревогой в голосе произнесла Дарья.

Она вытерла руки о полотенце, подошла ближе и внимательно посмотрела на меня своими выцветшими, но очень цепкими глазами. От этих старых женщин, повидавших жизнь, вообще хрен что утаишь. Она опустила взгляд на мои руки. Я тоже посмотрел и понял, что сжимал черенок ложки так сильно, что костяшки пальцев побелели, а сам металл слегка погнулся.

Я поспешно разжал пальцы.

— А ну-ка, выкладывай, — она присела на соседний стул, сложив пухлые руки на коленях. — Кто тебя там обидел? Эти богатенькие снобы что-то лягнули? Или учителя придираются? Ты мне скажи, я Марте передам, а она уж господину Тихону нашепчет. Живо им там всем хвосты накрутят.

Я тяжело вздохнул. Обидели? Меня? Да я бы половину этих мажоров в асфальт закатал одной левой, если бы мне дали волю.

— Никто меня не обидел, бабушка Дарья, — я постарался выдавить из себя успокаивающую улыбку, но судя по её лицу, вышло криво. — Просто... непривычно всё это. Школа,

толпа чужого народа. И эта форма их. Не костюм, а орудие пыток. У меня от этого дурацкого воротника до сих пор шея горит. Бесит просто.

— Ох, ну это дело наживное, — она покачала головой, но тревога из её взгляда никуда не делась. — К костюмам, Акиро, привыкают. А вот злой ты какой-то пришел, колючий. Будто не из школы вернулся, а с дворовой драки. Точно ничего не случилось?

— Точно, — я решительно отодвинул тарелку. Аппетит пропал окончательно, оставив после себя лишь глухую тяжесть в животе. — Всё в порядке. Просто устал. Пойду к себе, почи-таю что-нибудь, отдохну до тренировки. Спасибо за обед. Все было очень вкусно.

Я встал из-за стола, стараясь двигаться медленнее и спокойнее, чтобы не пугать старушку еще сильнее, и вышел из кухни.

Уже поднимаясь по деревянной лестнице, я почувствовал, как невидимые тиски снова сжали грудную клетку. Сказал, что всё в порядке. Наврал. Потому что нихрена не было в порядке. Я находился в безопасном доме, сытый, одетый в удобные вещи, мне ничто не угрожало. Но почему-то мне до одури хотелось выхватить меч и рубить, рубить, рубить что-то невидимое, пока эта чертова пружина внутри не лопнет.

Я завалился на кровать прямо поверх покрывала, закинул руки за голову и уставился в белый идеально ровный потолок.

В комнате было тихо. Слишком тихо. В трущобах такого не бывало: там всегда кто-то орал за стеной, лаяли бродячие псы, скрипели гнилые доски или капала вода. Здесь же тишина казалась искусственной, тяжелой, словно плотное одеяло, наброшенное на голову.

Надо было чем-то занять мозги, чтобы не накручивать себя дальше. Я нехотя сел, дотянулся до прикроватной тумбочки и взял увесистый том в кожаном переплете. Что-то из основ теории духовного эфира, что Линберг велел прочесть еще на прошлой неделе. Открыл книгу на середине, устроился поудобнее и уставился в текст.

«Энергетический контур носителя при взаимодействии с агрессивной средой астрала имеет свойство уплотняться, создавая буферную зону...»

Я прочитал это предложение раз. Потом второй. На третьем слова начали расплываться, теряя всякий смысл. Буквы казались простодохлыми мухами, размазанными по желтоватой бумаге. Мой взгляд скользил по строчкам, но мозг наотрез отказывался воспринимать мертвый академический текст. Внутри всё еще вибрировала та самая тугая пружина, требуя выхода, требуя движения. Но тело парадоксальным образом налилось свинцом. Какая, к демонам, буферная зона? Зачем мне это знать? Когда тварь попытается откусить мне голову, я должен буду зачитать ей параграф из этой книги?

Я со злостью захлопнул фолиант и отшвырнул его на край кровати. Снова лег, уставившись в потолок.

Так прошел час. Я просто валялся, бездумно пялясь в одну точку, чувствуя, как злость медленно перетекала в вязкую глухую апатию. Всё казалось нереальным. Эта мягкая кровать, чистая одежда, утренний урок этикета... Будто я играл роль в дурацкой пьесе, пока настоящая жизнь шла в другом месте.

Наконец собрав волю в кулак, я заставил себя оторвать спину от матраса. Пора. Время идти к Линбергу.

Я вышел в коридор и толкнул дверь соседней комнаты. Ингрид сидела за столом, что-то быстро строча в тетради. Увидев меня, она отложила ручку.

— Собирайся. Пора на тренировку, — глухо бросил я, прислонившись плечом к дверному косяку.

Подруга удивленно вскинула брови. Она смерила меня долгим внимательным взглядом, от которого мне стало не по себе.

— Ты чего такой вялый? — подозрительно спросила она. — Обычно ты чуть ли не с рассвета рвешься на задний двор махать мечом, а сейчас стоишь такой, будто тебя пыльным мешком по голове ударили. Ты спал, что ли?

— Не спал я. Просто лежал, — я раздраженно дернул плечом, отводя взгляд. — Ничего страшного, просто переваривал прелести образовательной системы. Идем давай.

Она не стала допытываться, хотя в ее глазах читалось явное недоверие. Быстро переодевшись в спортивное, Ингрид вышла в коридор, и мы вместе спустились на первый этаж, а затем вышли на задний двор нашего дома, плавно переходящий в территорию поместья Линберга.

Солнце уже начало клониться к западу, окрашивая небо в оранжевые тона. Толстяка еще не было, наставник имел привычку появляться ровно тогда, когда ему вздумается, заставляя нас разминаться самостоятельно.

Ингрид, как настоящая дочь инквизитора, подошла к делу максимально ответственно. Никакой лени, никакой пощады к себе. Она быстро провела комплекс растяжек, профессионально разогревая суставы. Затем достала из ящика тяжелые свинцовые утяжелители, привычным движением закрепила их на лодыжках и запястьях и направилась к снарядам. Пара подходов к турнику, затем четкие силовые отжимания на брусках. Лицо сосредоточенное, дыхание ровное. Идеальный солдат.

А я... Я просто стоял на месте, как истукан.

Лениво покрутил руками, сделал пару наклонов. Тело двигалось, мышцы помнили работу, но искры не было. Я смотрел на Ингрид и ловил себя на мысли, что вообще не понимаю, зачем она так надрывалась.

Ветер шевельнул ветви старой раскидистой яблони, растущей у забора. Длинная кривая тень от дерева легла на аккуратно подстриженный газон. Краем глаза я уловил это движение, и внутри меня что-то оборвалось. Тень вытянулась, исказилась, и на долю секунды мне показалось, что это когтистая лапа. Та самая, с длинными изогнутыми когтями, что рвала гвардейцев в Скрале.

Сухие листья на дорожке зашуршали. Шрррр. Шрррр. Звук. Точно такой же звук издавали хитиновые лапы низших демонов, когда они скребли по камням, подбираясь к нам в темноте.

Я резко обернулся, напрягшись всем телом, готовый к удару. Но сзади были только кусты и декоративный каменный фонарь. Никаких тварей. Только ветер. Только долбаный ветер и листья.

Я тяжело сглотнул, чувствуя, как по спине потек холодный пот. Перевел взгляд на Ингрид. Она как раз делала очередной силовой выход на брусках. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

И тут меня накрыло окончательно.

Какого демона мы тут вообще делаем? Прыгаем, отжимаемся, машем ручками в этом красивом безопасном саду. Качаем мышцы, чтобы что? Разве эти подтягивания спасут, когда на тебя вылетит трехметровая тварь, воняющая тухлым мясом? Разве умение держать спину прямо поможет, если высший демон решит выпотрошить тебя одним взглядом? Мы занимались херней. Полной абсолютной херней.

Глухая апатия мгновенно сменилась обжигающим токсичным гневом. Я смотрел на перекладину, на аккуратный газон, на дом наставника, и меня просто трясло от осознания того, насколько всё это бессмысленно и жалко на фоне настоящей грязной смерти.

— Эй, ты уснул там, что ли? — недовольный голос Ингрид вывел меня из мрачного оцепенения.

Она спрыгнула с брусков, тяжело дыша, но в её глазах горело возмущение. Девушка утерла тыльной стороной ладони пот со лба и уперла руки в бока.

— Ты чего такой вялый, Акиро? — с нажимом спросила она, подходя ближе. — Давай, шевели конечностями, разминайся нормально! Сейчас наставник придет, и если он увидит,

что ты тут как сонная муха ползаешь, нам обоим будет худо. Ты же знаешь его методы! Хватит филонить!

— Худо? — мой голос прозвучал на удивление тихо. Но в нем уже звенела не только сталь, но и та самая раскаленная пружина под ребрами, которая внезапно с оглушительным треском лопнула.

Плотина рухнула.

— Худо?! — я рявкнул это так громко, что с яблони сорвалась стайка испуганных птиц. — Да ты вообще понимаешь, какой херней мы тут занимаемся?!

Я резко шагнул к ней, и Ингрид инстинктивно отшатнулась. Таким взбешенным и потерявшим контроль она меня наверное еще не видела. Мои руки сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Эта ваша элитная школа — это же просто гребаный цирк! Собище напыщенных идиотов, которые ничего не стоят! А эта школьная форма? Это же верх садизма, в ней даже вздохнуть нормально нельзя, не то что за оружие схватиться! Мы полдня сидели там и слушали старого маразматика, который учил нас, как правильно кланяться баронам и как держать чашки! Чашки, Ингрид! — я сорвался на крик, размахивая руками. — А эти малолетние мажоры? Да они же потенциальные трупы! Просто куски рыхлого теплого мяса! Если туда ворвется хотя бы один, слышишь, хотя бы один низший демон, от их понтов и гербов останутся только ошметки и лужи крови на чистом паркете!

Я уже не мог остановиться. Меня несло. Все те образы, что мучили меня весь день, весь тот страх, замаскированный под гнев, выливались наружу грязным ядовитым потоком.

— А мы... что делаем мы?! — я в отчаянии указал на аккуратные брусья и зеленую траву. — Мы стоим на ровном безопасном газончике и машем ручками! Качаем мышцы, прыгаем! Да мы занимаемся всякой ерундой, вместо того чтобы тренироваться убивать! Убивать, понимаешь?! Пока мы тут прохлаждаемся в безопасности и слушаем красивые сказочки про великих рыцарей, эти твари на границе вырезают очередную деревню! Жрут людей заживо! А мы...

— А мы сотрясаем воздух бесполезными истериками? — раздался спокойный обволакивающий голос за спиной.

Я резко развернулся. Эдвин Линберг стоял на каменной дорожке, привычно заложив пухлые руки за спину. Его лицо ничего не выражало.

Внутри меня бушевал настолько сильный адреналиновый пожар, что инстинкт самосохранения просто-напросто отключился. Мне было плевать, что передо мной мастер, способный раздавить меня одной мыслью. Я набрал в грудь побольше воздуха, открыл рот, чтобы вывалить всё это дерьмо и на него, чтобы выкрикнуть в это толстое жирное лицо, что он тратит наше время впустую...

Я даже не увидел его движения.

Только что наставник стоял в трех метрах от меня, а в следующую долю секунды мир перед глазами взорвался белой вспышкой. Короткий, невероятно быстрый и безжалостный удар под дых выбил из моих легких весь воздух до последнего глотка.

Время остановилось.

Я рухнул на колени, широко раскрыв рот, но воздух не шел. Желудок скрутило судорогой. Я судорожно захрипел, хватаясь руками за живот и складываясь пополам, как выброшенная на берег рыба. Психологическая истерика, гнев, воспоминания из Скрала — всё это мгновенно испарилось, выбитое из моей головы грубой физической силой. Осталась только одна всепоглощающая пульсирующая боль в солнечном сплетении и паническое животное желание просто сделать хоть один маленький вдох.

Линберг невозмутимо поправил манжеты просторной рубашки. Он посмотрел на скрючившегося меня сверху вниз и укоризненно покачал головой.

— И какая муха укусила нашего юного горячего героя, Ингрид? — как ни в чем не бывало поинтересовался он, повернувшись к девушке. Тон у него был такой, будто он спрашивал о погоде.

Ингрид, которая всё это время стояла в полном ступоре, широко распахнув глаза, наконец-то отмерла. Она переводила шокированный взгляд с меня, хрипящего на траве, на абсолютно спокойного толстяка.

— Я... я не знаю, господин Линберг, — растерянно пробормотала она, нервно сглотнув. — Мы утром сходили в школу. Всё было нормально. Ну, то есть... ему очень не нравился его новый костюм, и он злился на одноклассников и учительницу по истории. Но потом, на уроке атлетики, он вообще всех уделал на турниках! И был спокоен. А потом мы пришли домой, и он просто лежал на кровати. Ни с кем не разговаривал. А сейчас вот вышли на разминку, и его... прорвало. На ровном месте. Я только сказала, чтобы он быстрее двигался.

Наставник задумчиво почесал двойной подбородок. В его маленьких заплывших жирком глазках мелькнуло понимание. Он тяжело со свистом вздохнул и снова перевел взгляд на меня.

Воздух наконец-то ворвался в мои легкие. Я закашлял, упираясь ладонями во влажную землю, по лицу текли слезы от нехватки кислорода.

— Ну и что это было, Акиро? — негромко спросил Линберг. В его голосе больше не было насмешки. — Что с тобой происходит?

Я поднял на него покрасневшие глаза. В голове было звеняще пусто. Я всё еще пытался выровнять дыхание, но злости больше не было. Только растерянность. Я озадаченно посмотрел на свои дрожащие руки, потом на наставника, и отрицательно помотал головой. Я и сам понятия не имел, что на меня нашло. Будто чужой демон нажал внутри кнопку, сорвав все тормоза.

Я продолжал стоять на четвереньках, жадно, со всхлипами заглатывая воздух и пытаюсь унять крупную дрожь в руках. Желудок все еще скручивало от фантомной боли, но мозг уже начал проясняться. Линберг и Ингрид молча возвышались надо мной, ожидая, пока я окончательно приду в себя.

И тут прямо перед моим носом из уплотнившегося воздуха соткался сотканный из темной дымки полупрозрачный силуэт. Мой блудный дух решил наконец-то почтить нас своим присутствием. Он вальяжно скрестил руки (или то, что у него их заменяло) на груди и посмотрел на меня с таким нескрываемым брезгливым высокомерием, что мне нестерпимо захотелось плюнуть в эту призрачную рожу. Жаль только, слюна до него не долетит.

- «Да что тут думать и гадать?» — ехидно, с откровенной издевкой раздался в моей голове его голос. — «У тебя самый обычный и банальный птср».

Я нахмурился, даже на мгновение перестав тяжело дышать. Мой уличный лексикон был богат на ругательства, но вот подобный термин я слышал впервые.

— Какой еще птср? Что за бред? — прохрипел я вслух, усаживаясь на траву.

Наставник и Ингрид удивленно переглянулись. Девушка напряглась, поняв, что я разговаривал со своим невидимым «соседом», а вот в глазах Линберга мелькнул острый профессиональный интерес.

- «Посттравматическое стрессовое расстройство», — менторским тоном, будто зачитывая текст из невидимой энциклопедии, отчеканил дух». — «Тяжелое психическое состояние, возникающее в результате единичного или повторяющихся событий, оказывающих сверхмощное негативное воздействие на психику индивида. Выражается в навязчивых воспоминаниях, повышенной тревожности, неконтролируемых вспышках агрессии и избегании любых мирных триггеров. У тебя, мой агрессивный дружок, налицо классическая картина ветерана боевых сражений, у которого сорвало резьбу после резкого возвращения в тепличные условия».

Я захлопал глазами. Мой мозг отказывался переваривать эти заумные академические формулировки. Мой дух, безжалостный монстр, который еще недавно кромсал демонов, вдруг заговорил как дипломированный врач.

— Откуда ты вообще это знаешь? — так же вслух хрипло спросил я. — Ты же дух!

- «А хрен его знает, откуда», — философски отозвался силуэт, пожав туманными плечами, и весь его профессорский флер мгновенно испарился. — «Просто есть в голове эта хрень, и все тут. Наверное, из какой-то книжки выцепил или из информационного поля подсознания. Какая разница? В общем, хватит страдать фигней. Говори че и как толстяку, и пускай мозгоправа тебе вызывает, пока ты нас обоих не угробил своим идиотизмом».

— Мозгоправа... — тупо повторил я, вытирая пот со лба. Кто такой мозгоправ, я тоже понятия не имел. Звучало как название палача в пыточной.

— Акиро, с кем ты разговариваешь? — Линберг сделал шаг ко мне, его лицо стало неожиданно собранным, а вся расслабленность исчезла без следа. — Твой дух что-то тебе говорит? Ты озвучил весьма специфический термин.

Я тяжело поднялся на ноги, отряхнул штаны и посмотрел на наставника.

— Он говорит... что у меня какой-то птср. Пост... травматическое расстройство. Из-за того, что мы пережили. И требует, чтобы вы вызвали мне «мозгоправа», кто бы это ни был. Он зачитал это так четко, словно по книге.

Линберг замер. Маска добродушного толстяка-профессора окончательно треснула, обнажив расчетливого безжалостного мастера. Он задумчиво почесал двойной подбородок, тяжело вздохнул и пронзительно посмотрел на меня.

— Вот оно как, — тихо пробормотал он себе под нос. — Значит, барьер психики дал трещину намного раньше, чем я ожидал. Логично. Твой дух, Акиро, оказался куда проницательнее, чем ты сам.

Наставник резко повернулся к девушке.

— Ингрид, остаешься здесь. Занимайся самостоятельно. Отработай силовой комплекс с утяжелителями до полного истощения, а затем переходи к медитации. Акиро идет со мной.

Спорить с его приказами желающих не нашлось. Ингрид лишь молча кивнула, проводив меня сочувствующим и слегка испуганным взглядом, а я поплелся вслед за широкой спиной наставника.

Мы прошли в дом и поднялись на второй этаж, прямиком в личный кабинет Линберга. Толстяк подошел к неприметному шкафу, сдвинул панель и достал из скрытого сейфа увесистый сверток. Положив его на дубовый стол, он аккуратно развернул плотную ткань.

Внутри оказалась квадратная доска из темного мореного дуба, густо инкрустированная тонкими серебряными нитями. Поле было поделено на шестьдесят четыре квадрата, напоминающая обычную шахматную доску. Но это точно была не игра. Цвета ячеек пульсировали собственным внутренним светом: от слепящего белого в самом углу, до бездонной всепоглощающей черноты на противоположном конце. Между ними плавно переливались все оттенки радуги, от алого до глубокого фиолетового, символизируя, как я догадался, частоты духовных планов.

Я вспомнил, как когда-то мельком узнал, что другие рыцари и инквизиторы использовали для связи через такие артефакты целую горсть дорогих граненых кристаллов. Ими выкладывали сложные схемы, чтобы пробить барьер измерений. Но Линбергу эти костыли были явно не нужны.

— Садись напротив, — приказал наставник, указывая на кресло. — И дай мне руку.

Я послушно сел и протянул ладонь. Толстяк положил свою огромную левую руку поверх моей, а правую уверенно опустил прямо в центр пульсирующей доски. Никаких кристаллов. Только его собственная чудовищная мощь.

Его маленькие глазки вспыхнули. От его ладони в доску хлынул такой плотный концентрированный поток духовной энергии, что воздух в кабинете затрещал, запахло озоном. Ячейки на доске взревели светом, серебряные нити раскалились добела, и нас мгновенно окутал плотный сияющий кокон.

Стоило этой дымке коснуться моих глаз, как я рефлекторно зажмурился. Реальность кабинета исчезла, выбитая из-под ног с пугающей жестокостью. Мой разум, намертво привязанный к стальной хватке Линберга, вылетел из физического тела по заданной наставником траектории.

Вокруг нас раскинулось белесое марево астрала. Это было вязкое, бесформенное, сводящее с ума пространство, где время текло по совершенно иным, непонятным человеческому рассудку законам. Я почувствовал себя крошечной беспомощной щепкой в бушующем сером океане, полностью лишенным тела, веса и привычных ориентиров. Если бы не колоссальная подавляющая аура Линберга, которая тащила меня сквозь этот туман, словно ледокол, мой рассудок просто растворился бы в этой звенящей бесконечности. Доска связи, активированная мастером, работала как путеводитель, пронзая пустоту невидимым лучом.

Полет сквозь белесое марево закончился так же внезапно, как и начался.

Прямо перед нашим призрачным взором, разрывая туманную пелену, возникла небольшая пульсирующая сфера. Она переливалась мягким теплым светом и казалась единственным островком стабильности в этом мертвом хаосе астрала.

Мы стремительно приблизились к ней, и я почувствовал, как мы прошли сквозь упругий ментальный барьер, будто прорвались сквозь плотную пленку. Одно короткое мгновение дезориентации, а затем...

Мои подошвы ударились о твердый пол. К призрачным конечностям вернулась привычная тяжесть, а чувства обрели кристальную четкость. Белесое марево исчезло без следа. Мы с Линбергом стояли посреди большой, невероятно уютной и просторной гостиной, залитой мягким светом. Астрал уступил место идеальной иллюзии физического мира.

Гостиная, в которой мы очутились, выглядела, на удивление, словно настоящая. Мягкий ковер под ногами, пара глубоких кожаных кресел, тяжелый дубовый стол, на котором дымилась чашка свежесваренного кофе, и даже книжные шкафы вдоль стен. И только за огромным окном вместо привычного городского пейзажа Гадара лениво текло всё то же белесое вязкое марево астрала. Настоящий островок реальности, созданный чьей-то мощной волей прямо посреди пустоты.

— Уважаемый господин Линберг, то, что вы когда-то были наставником моего отца, еще не дает вам права врываться в мою личную жизнь в любой момент времени! — встретил нас недовольный резкий женский голос, который, казалось, звучал сразу со всех сторон.

— Луиза, я прекрасно знаю, что у тебя сейчас отпуск, — абсолютно равнодушно заявил толстяк, даже не поведя бровью. Он вальяжно прошествовал к одному из кресел и опустился в него с таким видом, словно находился у себя дома. — Так что хватит вредничать и уделить немного внимания старику. Дело серьезное.

Из небольшой боковой двери вышла девушка, и я невольно моргнул, узнав её. Ну надо же, какие люди! Это была Луиза Фокс. Та самая лекарь инквизиции, которая откачивала меня в прошлый раз, когда моя башка чуть не лопнула от отката после использования способности быстрого чтения. Выглядела она почти так же, как и тогда: те же острые черты лица, внимательный взгляд и аура человека, который привык командовать. Только вместо официальной рабочей формы на ней было простое домашнее платье.

Она сердито зыркнула на Линберга, потом перевела взгляд на меня, и её брови поползли вверх.

— Опять этот парень? Линберг, ты издеваешься? Он у тебя всего месяц, а ты уже умудрился сломать ему контур?

— Контур цел, — сухо отрезал наставник. — С головой проблемы. Точнее, с тем, что внутри неё накопилось. Наш юный герой сегодня выдал такую гневную тираду на тренировке, что чуть не разнес мне сад. А его дух — парень, как выяснилось, на удивление эрудированный — прямо заявил, что у носителя классический птср. Я привел его к тебе. Займись.

Луиза Фокс вздохнула, помассировала пальцами виски и села в кресло напротив меня. Линберг пересказал ей всю историю: о школе, о том, как я бесился из-за костюма, о вялости на тренировке и наконец, о моём взрыве истерики на заднем дворе. Девушка выслушала молча, подперев подбородок рукой и периодически кивая.

Я сидел на стуле, послушно слушая все, о чем рассказал наставник, но мысленно лишь крутил пальцем у виска. Какая-то херня, честное слово. Душевные травмы, расстройства... Они что думают, что я распустил сопли, словно какой-то чистоплюй богатенький? На улицах, если ты начнешь страдать из-за того, что кто-то сдох у тебя на глазах, тебя самого сожрут через пять минут. Там люди гибли пачками каждую зиму: от голода, от ножей, от болезней. И ничего, никто по мозгоправам не бегал. Поорал на тренировке, ну бывает, костюм задолбал, мажоры эти изнеженные выбесили. Зачем огород-то городить и тащить меня в астрал?

Луиза Фокс вдруг усмехнулась. Её глаза сузились, и она посмотрела так, будто видела меня насквозь.

— Сидишь и думаешь, что всё это глупости для неженков, да, Акиро? — тихо, но с пугающей точностью спросила она. Я даже вздрогнул. — Думаешь: «Я парень из трущоб, суровый и закаленный, а эти лекари просто дурью маются от сытой жизни»? Я твой взгляд как раскрытую книгу читаю. Все вы, сопляки, так думаете. Пока кровь из ушей не польется.

Она подалась вперед, и её тон мгновенно изменился. Исчезла недовольная девушка в отпуске, перед мной теперь сидел профессиональный жесткий военный врач, через руки которого прошли сотни раненых инквизиторов.

— А теперь слушай меня сюда и отвечай четко, без уличных твоих замашек, — приказала она. — Спишь как? Кошмары снятся? Во сне мечом не машешь?

Я замялся, но под её тяжелым взглядом врать не решился.

— Нормально сплю. Иногда... снится всякое. Скрал, демоны. Но редко.

— На резкие звуки как реагируешь? На звонок в школе дергался?

— Ну... руку к поясу потянул, — буркнул я, разглядывая ковер. — Думал, нападение. Привычка просто.

— Это не привычка, Акиро. Это поломка защитных механизмов разума, — Луиза откинулась на спинку кресла. — Ты можешь сколько угодно строить из себя железного человека, но твое подсознание сейчас находится в режиме перманентной войны. Ты ждешь смерти каждую секунду.

Мне стало не по себе. Её слова били наотмашь, и спорить с ней становилось всё труднее. Но один вопрос меня всё-таки мучил.

— Подождите, — нахмурился я. — Почему только сейчас? Ведь после той бойни на границе прошел целый месяц! Целый месяц всё было тихо, я тренировался у Линберга, и со мной все было в порядке. С чего вдруг сегодня на ровном месте прорвало?

— Вот именно потому, что прошел месяц, — ледяным тоном ответила Луиза. — Пока ты был в Скрале, твой разум заблокировал страх, чтобы ты просто не сошел с ума и выжил. Потом Линберг забрал вас к себе и загрузил тренировками так, что у тебя банально не оставалось времени думать. Ты тратил все силы на физическую работу. Мозг был занят делом. Но сегодня ты пошел в школу. Мирная жизнь, Акиро. Безопасность. Вокруг тебя — изнеженные дети, которые ни разу не видели крови. Твоя внутренняя защита решила, что опасность миновала, и расслабилась. И весь тот накопленный, запертый внутри ужас, который ты держал в себе целый месяц, рванул наружу, как прорванная плотина. Костюм и изнеженные детки в школе стали просто триггером, искрой, которая подожгла бочку с горючей смесью.

Я сглотнул вставший в горле ком, но упрямо буркнул:

— Но я же и раньше видел гибель других! Я полжизни прожил в трущобах, там людей резали прямо под окнами. Я привык к трупам. Разве эта ваша болячка может проявиться у меня после всего этого?

— Не путай теплое с мягким, парень, — Луиза Фокс жестко оборвала меня. — В трущобах была обычная человеческая жестокость. Твой разум понимал её законы. Но на границе вы столкнулись с истинной изнанкой. С высшими демонами. С первобытным ужасом, который ломает саму суть человеческой природы. К такому нельзя привыкнуть. И если ты думаешь, что ты особенный, и тебя это не коснется, то ты круглый идиот.

Она сделала паузу, и её взгляд стал бесконечно уставшим.

— Был у нас в инквизиции один офицер. Рубен его звали. Закаленный боец, ветеран, прошел десяток горячих сражений на фронтире. Примерно года два назад он вернулся из затяжного тяжелого рейда вглубь Демосфена. Вернулся живым, целым, даже без единого ранения. Пришел ко мне на осмотр, точно так же, как ты сейчас, сидел в кресле, ухмылялся и говорил, что лечиться ему не нужно. Мол, он старый солдат и никакая душевная травма его не возьмет. Я совершила ошибку, отпустила его под честное слово. А через месяц Рубен проснулся ночью в бреду. Психика не выдержала мирной тишины. Ему показалось, что он всё еще там, в рейде, а рядом с ним в постели лежит не его любимая жена, а демон-суккуба, которая хочет его соблазнить, подчинить и выпить досуха. Он выхватил кинжал и... в общем, зарезал её прямо в кровати. А утром, когда бред прошел и он осознал, что натворил, Рубен просто покончил с собой. Перерезал себе горло тем же кинжалом.

В гостиной воцарилась гробовая звенящая тишина. Слышно было только, как Линберг тяжело со свистом перевел дыхание. Вся моя уличная спесь, вся эта глупая уверенность в собственной неуязвимости осыпалась как сухая штукатурка. Я смотрел на Луизу и понимал: она не пугала меня. Она рассказала реальные страшные вещи. И я сейчас находился на той же самой дорожке, которая привела того ветерана к безумию.

— Ну что, уличный боец, всё еще думаешь, что это херня для неженков? — тихо спросила Луиза.

Я лишь молча покачал головой, не в силах выдавить ни слова.

— Вот и отлично. Первую стадию — признание проблемы, мы прошли, — Луиза резко поднялась со своего кресла и подошла ко мне вплотную. Её взгляд неожиданно устремился мне за плечо. — А теперь давай разберемся со вторым виновником этой дивной драмы.

Она сделала глубокий вдох, её аура в астрале внезапно уплотнилась, став тяжелой и осязаемой, как свинцовая плита.

— А ну-ка, проявись! Живо! — властно и громко приказала она, глядя в пустоту рядом со мной.

Ничего не произошло. Мой дух, который обычно лез со своими комментариями без спроса, сейчас затаился так, будто его вообще не существовало. Решил отсидеться в кустах? Или это не его она сейчас звала? Но разве духи могут быть видимы другими? Ничего не понимаю.

— Ах, мы гордые? Мы не слушаемся? — Луиза Фокс опасно сузила глаза.

Она резко вскинула правую руку, совершив короткий хлесткий жест пальцами, словно дернула за невидимую нить. Из её ладони вырвался короткий импульс чистой концентрированной духовной энергии сапфирового цвета. Этот импульс ударил точно в пространство за моей спиной.

Раздался тихий хлопающий звук, похожий на взрыв мыльного пузыря, и воздух рядом со мной скрутило судорогой. Прямо из пустоты кувырком, едва удерживая равновесие, вывалился полупрозрачный темный силуэт моего духа. Выглядел он, мягко говоря, ошарашенным. Его туманная фигура мелко подрагивала, а сам он сердито шипел, явно не ожидая, что его так бесцеремонно выдернут из личной астральной норы.

Я в изумлении переводил взгляд с духа на тяжело дышащую Луизу. Она заставила его появиться! Вот так просто, одним движением руки, пробила его защиту и вытащила наружу!

— Нечего прятаться, когда врач приказывает, — холодно осадил его Луиза, опуская руку.

— Как... как вы это сделали? — потрясенно выдавил я, глядя на притихшего призрака. — Наставник говорил, что он может воплощаться только из-за нашей связи, и то ненадолго...

— Твой наставник говорил тебе про физический мир, Акиро, — Луиза Фокс снисходительно улыбнулась, и её аура снова вернулась в норму. — А мы сейчас находимся в астрале. Здесь духовные сущности могут появляться совершенно спокойно и без твоих энергоканалов. Вот только поддерживать четкую визуальную форму в чужом астральном пространстве долгое время способны далеко не все духи. Для этого нужна колоссальная стабильная собственная мощь. А твой сожитель, как я погляжу, на такое вполне способен. Силы в нем хоть отбавляй, а вот манер, судя по тому, что я слышала, ни на грош.

Дух обиженно и злобно проворчал, но спорить с лекарем инквизиции не решился, предпочтя просто молча и угрюмо стоять рядом со мной, скрестив свои туманные руки на груди. Теперь, в этом изолированном пространстве астрала, его не просто видели все присутствующие, его аура ощущалась вполне осязаемо. Линберг даже не шелохнулся, лишь его маленькие глазки превратились в две узкие щелочки, внимательно сканирующие темный силуэт.

— Твоя наглость, дух, — Луиза Фокс смерила призрака ледяным взглядом, — это лишь подтверждение моих слов. И кажется, Аскольд был полностью прав, когда, рассказывая о твоём поведении, назвал тебя наглым выскочкой. Ты ведешь себя как цепной пес, который лает тем громче, чем сильнее боится за шкуру своего хозяина. Твои наглые высказывания — это защитный механизм. Ты понимаешь, что если контур Акиро пойдет трещинами из-за ментальной перегрузки, ты отправишься на дно вместе с ним.

— Боится? За шкуру? — раздался оглушительный, сочащийся чистым ядом хохот духа. — Женщина, ты вообще соображаешь, кому ты это говоришь? Твой хваленый инквизиторский психоанализ — это просто куча красивых слов, которыми вы, докторишки, пытаетесь оправдать свою природную слабость. Я — самостоятельная личность, по ошибке запертая в этом куске ржавого железа за его спиной. Чего мне бояться? Его соплей? Его кошмаров?

Он сделал шаг вперед, его туманная фигура на мгновение уплотнилась, став угрожающе черной.

— Ты намекаешь на то, что мне плевать за его травму? Да если бы не я, этот кусок мяса еще месяц назад переварился бы в желудке Буера! Пока вы тут сидите в своей чистенькой иллюзии, пьете астральный кофе и раскладываете чужие мозги по баночкам, реальный мир захлебывается кровью. Вы придумали ярлыки: «расстройство», «травма», «триггеры». Какая чушь! Его разум ломается не оттого, что он увидел смерть, а оттого, что вы пытаетесь запихнуть дикого зверя обратно в клетку вашей мирной фальшивой жизни! Одень его в платице, заставь учить этикет, и через неделю он сдохнет от первого же чиха низшего демона. Я затачиваю это оружие. А ты пытаешься превратить его обратно в рыхлое тесто.

Луиза даже не изменилась в лице. Она выслушала эту гневную тираду с абсолютным, почти скучающим спокойствием профессионала.

— Оружие ломается, если по нему бить молотом без остановки, — ровно ответила она, глядя прямо в пустые глазницы силуэта. — Разум Акиро — это не клинок, это живая ткань. И если ты продолжишь подливать масло в огонь его агрессии, ты просто выжжешь его черепушку изнутри.

— Так пускай горит! — огрызнулся дух, резко взмахнув рукой. — Зато в этом пламени сгорят все его сомнения. Твой толстый приятель Линберг это прекрасно понимает, поэтому бьет его под дых на тренировках, возвращая в реальность, а не гладит по головке. Из него нужно ковать убийцу нечисти, а не рафинированного барчука для чаепитий! Твоя логика вредна для него, докторишка. Вы лечите симптомы, боясь признать, что этот мир уже давно принадлежит не вам.

— Всё, мне надоело слушать этот бред, — Луиза Фокс поморщилась, словно от зубной боли. — Слишком много шума от паразита.

Она не стала кричать или нападать. Девушка просто сделала короткий, едва заметный жест указательным пальцем правой руки, словно нажала на невидимую кнопку в воздухе. Её сапфировая аура на долю секунды полыхнула острой как бритва волной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.